
Виктория Игнатова
Хроники Светлолесья
Зов леса
18+

Виктория Игнатова
Зов Леса

https://litres.ru/75028299
SelfPub; 2026

Аннотация

Говорят, в Лешачьем бору путнику не выжить. Но для княжны Мелиссы страшнее дикой чащи оказался терем собственного мужа.

Из-за пугающей белизны волос её всю жизнь считали проклятой вещуньей, а навязанный брак с жестоким князем превратился в золотую клетку. В лютую январскую метель Мелисса выбирает свободу и бежит в запретный лес — по древнему закону Светлороси у неё есть ровно сто дней, чтобы выжить в чаще и разорвать ненавистные узы.

Вот только вместо спасительного уединения в глуши её ждёт суровый, ехидный и пугающе опасный Хранитель Бора. Лесь ненавидит людей, ставит жёсткие условия и требует держаться на расстоянии — но именно он учит беглую княжну владеть луком, слышать шёпот корней и не бояться собственной силы.

Сто дней пролетят быстро. По следу уже идут ищейки мужа, старшие братья точат мечи, а между беглянкой и её лесным защитником вспыхивает чувство, за которое обоим придётся заплатить слишком высокую цену

Содержание

ЧАСТЬ I. ПЕПЕЛ СЕВЕРНЫХ КЛЯТВ 5
Глава 1. Иней на стекле 6
Глава 2. Ожидание и надежды 37
Глава 3. Полночный воск 56
Глава 4. Под прозрачной вуалью 69
Г 93
Конец ознакомительного фрагмента. 94

Виктория Игнатова
Зов Леса

Дорогой читатель!

Добро пожаловать в мир **«Хроник Светлолесья»** — мир, где за околицей княжеских теремов начинается древняя, живая чаща, где ветер помнит имена предков, а у каждого леса есть свой Хранитель.

«Зов леса» — это история о том, что истинная сила не всегда кричит о себе громко: иногда она прорастает сквозь снег первым зелёным ростком. О девушке, которую всю жизнь считали проклятой, но которая сумела превратить свою боль в дар. И о мужчине, спрятавшем израненное сердце за колючими насмешками и стеной вековых сосен.

Устраивайтесь поудобнее, наливайте горячий чай с травами — мы отправляемся в путь, где заснеженные тропы непременно выведут к весне.

С теплом и благодарностью,

Виктория Игнатова

ЧАСТЬ I. ПЕПЕЛ СЕВЕРНЫХ КЛЯТВ

Глава 1. Иней на стекле

Зимнее утро неохотно пробивалось сквозь затянутые изморозью слюдяные окна, разливая по покою пепельный свет. За бревенчатыми стенами терема выла слепая метель, швыряя пригоршни колючего снега в ставни, словно пыталась прорваться внутрь и забрать последнее тепло. Ветер гудел в печных трубах тоскливо, по-людски, и этот протяжный стон стихии вторил мыслям, что вились в голове молодой княжны с самого рассвета. Буран бушевал третьи сутки, отрезав Михайловский детинец от посада непроглядной белой стеной, сквозь которую не рискнул бы пробиться ни один путник.

Мелисса сидела на краю высокой дубовой постели, кутаясь в пуховую шаль. Она неотрывно смотрела на угасающий огонь в изразцовой печи, где сквозь щели заслонки еще тлели малиновые угли. Она помнила, как глубокой ночью, когда буран снаружи только набирал силу, в покой тихонько проскользнул старый истопник — дед Михей. Из-за дряхлости и почти полной слепоты он оставался единственным из челяди, кто не крестился испуганно при виде княжны. Старик торопливо опустил на пол охапку смолистых поленьев, уложил их в зев печи, но даже он, едва почувствовав на себе ее молчаливый взгляд, поспешил уйти, бормоча под нос защитные наговоры.

В ее комнате, убранной медвежьими шкурами, липовыми сундуками и парчовыми занавесями, топили на совесть: истопники знали суровый нрав старших княжичей и боялись застудить их младшую сестру. Алан мог жестоко покарать за любую оплошность, а горячий на руку Давид и вовсе бы спустил три шкуры с того, кто посмеет застудить терем. Но застарелый холод, поселившийся в груди много зим назад, не отступал. Он въелся под кожу, скребся под ребрами мелкой ледяной крошкой. Мелисса знала: сколько дров в печь ни брось, сколько жаркого пламени ни разведи, этот внутренний лед не растопить ни единому костру на свете. Он питался ее одиночеством, изо дня в день напоминая, что за пределами этих стен ее никто не ждет.

Она через силу протянула дрожащую руку к гребню на прикроватном столике, подле угасающей лампады. Искусно вырезанный северными мастерами из мамонтовой кости, он был единственной памятью о матушке. Стоило пальцам коснуться резных зубьев, как густые, прохладные пряди волос скользнули по ее плечам, зашуршав по тонкому полотну ночной сорочки. Белоснежные, без малейшего намека на золото или привычную росскую русовину, пряди казались сотканными из самого бурана. Невесомые, они пушились от любого сквозняка и цеплялись за пальцы, точно морозный дым.

Мелисса повернула голову к круглому серебряному зеркалу в массивной оправе, украшенной резьбой в виде диковинных птиц. Из зеркала на нее глядело бледное, тонкое лицо с

огромными серыми глазами — глубокими, точно январское небо перед грозой. В любом другом краю этого огромного мира ее, без сомнения, назвали бы первой красавицей, слагали бы в ее честь хвалебные песни под звон гуслей и искали бы ее расположения сильнейшие воины. В родном же Михайловском княжестве ее звали проклятой. Слово это липло к ней, как болотная тина, волочилось постыдным шлейфом, куда бы она ни пошла, отравляя каждый вдох и заставляя прятать лицо от редких солнечных лучей.

На посаде шептались с суеверным восторгом и липким страхом, будто когда княгиня Елена носила ее под сердцем, болотная ведьма в гневе наложила на дитя сглаз. Старики уверяли, что княгиня перед самыми родами забрела на гиблое Черное болото, где и повстречала нечисть, забравшую у младенца живое тепло. Родившаяся девица действительно напугала повитух своей молочной, ледяной белизной — в полумраке терема младенец казался отлитым из куска речного льда. Мелисса до сих пор помнила, как ее старая нянька Агафья, умирая от жалости и суеверного ужаса, втайне от братьев пыталась отмыть ее младенческие волосы. Алан и Давид тогда были еще слишком малы, чтобы понять чужую беду, но старая служанка знала, какая злая участь ждет девочку с таким клеймом. В горнице пахло удушливым, горьким паром от крутого отвара чистотела, коры дуба и сушеной ромашки. Нянька часами скребла детскую головку жестким рушником, шепча молитвы и надеясь вернуть прядям

«человеческий», привычный глазу русый цвет. От этого трения нежная детская кожа горела огнем, глаза слезились от едкого травяного испарения, а маленькое сердце сжималось от предчувствия неминуемой беды. Но пряди лишь сильнее сияли чистым серебром под лучами солнца, словно насмехаясь над людскими усилиями, а кожа Мелиссы от этих отваров только сильнее бледнела.

В семь зим, наслушавшись злых шепотков дворовых девок, она в отчаянии выкрала из отцовской палаты портновские ножницы. Запершись в сундучной, пропахшей юфтевой кожей, пижмой и воском, Мелисса со слезами обстригла серебряные локоны под корень, надеясь, что новые волосы вырастут как у братьев — густыми, каштаново-русыми. Вокруг нее на доски пола бесшумно падали мягкие белые клочья, похожие на хлопья первого снега, а металл ножниц больно холодил уши, но девочка упрямо продолжала стричь. Но чудо не случилось. Уже к осени ее голову снова укрыл пушистый белоснежный шелк, в котором не было ни единой живой, теплой прожилки.

Местные жители обходили княжеский терем стороной, стоило им хоть раз завидеть на открытом гульбище ее бледный силуэт. Они неистово крестились, судорожно сжимали нашейные обереги и уверяли друг друга, что в девке сидит нечистый дух стужи, а ее серые очи способны высушить колодцы в летний зной и навести лютый падеж на скотину. Из-за этого шепота Мелисса с детства росла замкнутой, хрупкой

и пугливой. Словно само проклятие, в которое так истово верил весь посад, капля за каплей отбирало у нее жизненные силы. Пока старшие братья — статные, русоволосые, наливающиеся богатырской силой соколы — учились держать боевые мечи и крепко сидеть в седлах, у нее деревянные клинки валились из рук от непривычной, обидной слабости в запястьях.

Мелисса до сих пор с содроганием вспоминала один из осенних пиров, когда Алан, празднуя свою первую победу в ратном состязании, в порыве хмельного веселья, попытался обнять младшую сестру. Стоило его широкой, горячей ладони коснуться ее плеча, как старший брат резко отпрянул, словно обжегся, и брезгливо бросил Давиду: «Налейте нашей княжне горячего сбитня с перцем, пока она своим ледяным видом весь мед в чашах не заморозила!». За столом тогда грянул громовой хохот дружинников, а Мелисса готова была сквозь землю провалиться от стыда.

— Не княжеская порода, чахлая девка, — качали головами старые дружинники на детинце, глядя, как княжна роняет учебный лук, и эти слова жалили больнее крапивы, ведь они лишь укрепляли суеверия дворовых слуг. Мелисса не унаследовала отцовской богатырской стати, ее кости были тонкими, а шаг — слишком тихим, бесплотным.

Она стала заложницей собственного дома, добровольной узницей золоченой клетки. Мелисса годами предпочитала не выходить на людные улицы посада, пряталась за высокими

теремными заборами и резными крыльцами, чтобы лишний раз не видеть исполненных ужаса и отвращения взглядов. Ее миром стали старые рукописные книги, шорох пожелтевших страниц и безмолвные зимние пейзажи за окном. Она привыкла быть тенью, скользящей по переходам. Но даже тени холодными ночами хочется тепла. И Мелисса нашла утешение в Зарине, ее ровеснице, дочери конюха.

Они сблизились шесть зим назад, когда обеим исполнилось по тринадцать. Мелисса тогда впервые решилась выйти за ворота терема без сопровождения строгих, ворчливых нянек, которые вечно пытались укрыть ее от чужих глаз. Пользуясь тем, что Агафья разморилась и задремала в истомляющей полуденной духоте, девочка тенью проскользнула мимо крыльца. Огромный цепной пес Серко даже не зарычал на нее — он слишком привык к ее бесплотной, невесомой поступи и лишь лениво повел ухом. В тот майский день солнце грело по-особенному ласково, и юной княжне отчаянно, до слез хотелось просто вдохнуть свежего воздуха у реки, посмотреть, как зацветает дикая черемуха, и коснуться пальцами прозрачной речной воды. Ей казалось, что в такой чудесный день люди забудут свои страхи и позволят ей быть обычной девчонкой. Но стоило ей дойти до песчаного берега и сбросить капюшон, как сказка оборвалась.

Посадские мальчишки заприметили ее белоснежную макушку издалека. Беззаботный смех мгновенно смолк, сменившись злым ропотом. Ласковое майское солнце вдруг ста-

ло безжалостным — оно выставило ее напоказ перед целой ватагой враждебных глаз. Подростки переглянулись, и в их зрачках, расширившихся от суеверного ужаса, замелькали недобрые огоньки.

— Глядите! Ведьма болотная выползла! Из-под коряги вылезла, стужу на нас кличет! — крикнул самый рослый из них, конопатый сын кузнеца Васька.

В нее полетели комья сухой глины и речные камни. Один полоснул по плечу, разорвав тонкий сарафан и оставив багровую ссадину, второй угодил в колено. От страха и неожиданности у молодой княжны ватными сделались не только руки, но и ноги — она беспомощно сжалась в комок у дощатого забора, закрывая лицо ладонями и горько, беззвучно глотая слезы. Она — дочь великого князя, чьего имени трепетали враги, сейчас была беззащитна перед кучкой уличных мальчишек. Она не умела драться, а проклятие, о котором твердили вокруг, словно парализовало ее волю. Тот самый лед в груди налился свинцом, не давая даже вскрикнуть или позвать на помощь. За спиной мальчишек уже собиралась толпа побольше, улюлюкая и подначивая конопатого заводилу. Васька, распаленный безнаказанностью, замахивался новым, еще более крупным обломком известняка.

И вдруг, откуда ни возьмись, перед замершей от ужаса княжной, раскинув руки, выросла маленькая, худенькая девчонка — Зарина. В застиранном холщовом сарафане и сбитых лаптях, она смотрела на обидчиков с такой яростью, ка-

кой позавидовали бы отцовские дружинники. Она возникла так стремительно, словно ее соткал сам прибрежный ветер из речного песка и упрямства.

Зарина набросилась на обидчиков как разъяренная рысь. Не помня себя от праведного гнева, она с размаху влепила конопатому парню затрещину, от которой тот кубарем покатился в прибрежную тину. Поднялся такой фонтан брызг и болотной жижи, что стоящие позади него мальчишки на мгновение оторопели.

— Ах вы псы смердящие! — отчаянно, со слезами в голосе кричала Зарина, хватая с земли камни и швыряя их обратно в толпу. — На княжескую дочь руку поднимать удумали? Пошли прочь, тати, пока я вам все вихры не повыдергивала да отцам вашим не донесла, чтобы они содрали с вас шкуру!

Один из мальчишек испуганно попятился, вспомнив суровый нрав княжеской дружины, но двое постарше ринулись на девчонку, рассвирепев от такого отпора. Зарина дралась отчаянно: кусалась, царапалась, впивалась ногтями в чужие лица и не отступала ни на шаг, закрывая собой Мелиссу. Ей порвали рукав рубахи, под глазом у нее мгновенно налился огромный багровый синяк, а из разбитой губы потекла струйка крови, но она продолжала стоять стеной, пока мальчишки, ошалевшие от такого бешеного отпора девчонки, с позорным свистом не разбежались по переулкам посада.

Сама чумазая, запыхавшаяся, с клочьями травы в растрепанных каштановых волосах, Зарина обернулась к зареван-

ной Мелиссе. Она тяжело дышала, утирая кровь с подбородка грязным рукавом, но на ее губах вдруг появилась широкая, задорная улыбка. Подбежав к сжавшейся княжне, она бережно протянула ей свою маленькую ладонь, испачканную в речном песке:

— Ну, не реви, Мелиссушка. Прогнали. Пусть только сунутся еще раз — я им кости переломаю! Я теперь с тобой буду, слышишь? Никому в обиду не дам.

С того самого дня старый князь Михаил по просьбе дочери забрал сироту Зарину в терем, сделав ее личной горничной Мелиссы. В первый же вечер, когда суматоха улеглась, Мелисса заперлась с новой подругой в своей горнице. Княжна, все еще дрожащая от пережитого позора, сама выжимала льняную ветошь в чаше с прохладной колодезной водой и прикладывала к разбитому лицу Зарины. Зарина шипела от боли, но не отнимала руки, а потом, завороженно глядя на серебряные пряди Мелиссы, несмело протянула пальцы и коснулась их. «Они совсем не страшные, — тихо шепнула тогда дочь покойного конюха, — они как чистый иней на ветках черемухи. Красивые». В тот миг внутренний холод Мелиссы впервые немного отступил. Они делили девичьи секреты, вместе читали старые свитки, и Мелисса привыкла доверять подруге как самой себе, помня тот майский день на берегу и кровь на губах Зарины. Зарина была ее единственным щитом от внешнего мира.

— Доброго утречка, Мелиссушка, — пропела Зарина, вы-

дергивая княжну из тяжелых дум. Она бесшумно поставила на стол медный поднос. Начищенный до блеска, он едва не остыл, пока служанка несла его с поварни, заботливо укрывая от гулявших по холодным переходам сквозняков. Рядом с глиняной посудой на нем сиротливо примостился кругляш желтого сыра и деревянная плошка со спелой, тронутой первыми заморозками брусникой. По комнате поплыл густой пар от горячего взвара с липовым цветом, чабрецом и сушеной малиной. Одуряюще пахло свежим медовым хлебом с хрустящей корочкой. Мелисса невольно потянулась к теплу, обхватив пальцами глиняную кружку, и почувствовала, как застарелый лед в суставах начинает неохотно отступать. Горячие бока кружки почти обжигали ее вечно ледяные ладони, а сладкий, медовый пар оседал крошечными прозрачными каплями на ресницах, создавая иллюзию зыбкой, домашней безопасности.

Зарина тем временем всплеснула руками, подошла к окну, проверяя, плотно ли закрыты ставни, и повернулась к княжне, так и лучась загадочностью. На самой служанке еще красовалась шерстяная душегрея, наспех отороченная простым заячьим мехом, круглые щеки горели ярким здоровым румянцем с мороза, а на подоле сарафана таяли редкие снежинки.

— Ох и лютует зима нонче, наружу носа не высунешь! Людей прямо с ног сбивает буран, намело выше человеческого роста. А у меня для тебя весть есть, моя княжна, да какая!

Настоящий мед в уши, право слово! — Зарина заговорщицки прищурилась, понизив голос до шепота, хотя в покое они были совершенно одни.

Мелисса грустно, одними уголками губ улыбнулась. Она плотнее, до самого подбородка, закуталась в пушистую пуховую шаль, словно пытаясь отгородиться от этой бурной, пугающей энергии служанки, которая заполонила собой весь покой.

— Неужто волки к самым воротам посада подошли, Заринушка? — негромко спросила княжна, стараясь вернуть беседу в привычное русло. — Оттого и переполох внизу? С самого рассвета псы во дворе заливаются.

— Бери выше, Мелиссушка! Какие волки, окстись! — девица так и подпрыгнула на месте, отчего пестрые ленты в ее косе весело заплясали по спине. Ее карие глаза горели неподдельным, жадным азартом, в них плясали лихорадочные искорки.

Она без спроса, по-свойски подбежала ближе и опустилась на дубовую лавку напротив, обдав Мелиссу резким запахом уличного морозного воздуха, свежего теста и кухонного дыма. Сразу стало ясно, что Зарина, прежде чем подняться в покой, долго крутилась среди поварих и челяди, жадно ловя каждый слух. Зарина бесцеремонно, но ласково коснулась тонкими пальцами белоснежной, почти прозрачной пряди Мелиссы, якобы поправляя ее растрепавшиеся после сна волосы, а сама заглянула девушке прямо в лицо, ловя ее

взгляд:

— Старший брат твой, Алан-князь, три дня назад, перед самой метелью, как только совет дружины закончился, почтовых голубей во все концы земли разослал! В соседние княжества, к самым богатым, знатным и сильным родам полетели сизокрылые птицы! Объявил Алан на всю Светлорось, что исполнилось тебе девятнадцать зим, совершеннолетие твое пришло, а значит — созывает он знатных витязей и королевичей на великие смотрины!

Зарина на секунду перевела дух, ее грудь высоко вздымалась под шерстяным сарафаном, а голос упал до благоговейного, восторженного шепота, от которого у самой служанки, казалось, шли мурашки по коже:

— И приданое за тобой дает такое, Мелисса, что у любого видавшего виды воеводы дух захватит, а у заморских королевичей слюнки потекут! Половину отцовских пашен, что у южной границы лежат, отдает! Лесные угодья до самой Черной речки, где зверя немерено, да три окованных железом сундука с литым серебром и самоцветами! Представляешь? Лишь бы взял кто...

Каждое слово отзывалось в висках глухим набатом. Половина отцовских земель! Вековые леса, сундуки с сокровищами, копившиеся поколениями... Сердце княжны болезненно сжалось — она прекрасно понимала, что эта щедрость Алана была вовсе не от братской любви. Старший брат не снаряжал ее в добрый путь — он буквально откупался от нее, лишь

бы сбыть проклятую сестру с рук и очистить терем от суеверного страха дружины. Последние слова Зарина выдохнула с придыханием, ее глаза на мгновение расширились, словно она сама мысленно пересчитывала это невероятное богатство.

Мелисса замерла. Воздух в груди разом стал густым и горячим, его невозможно было вдохнуть. Пальцы мгновенно онемели, лишившись всяких сил, и резной костяной гребень, который она так крепко сжимала в ладони, выскользнул из рук. Он со стуком упал на пушистый ковер и покатился к ногам служанки, запутавшись зубьями в ворсе. Зарина тут же охнула, порывисто наклонилась и бережно подняла матушкину вещь. Она аккуратно сдула с белой кости невидимые пылинки и положила гребень на край стола, бросив на хозяйку взгляд, полный искренней, преданной заботы. Но Мелисса этого почти не заметила.

«Приданое. Половина отцовских земель. Три сундука серебра и золота», — набатом застучало в ее висках.

За сладкой улыбкой и восторженным щебетом служанки сквозила уродливая истина, обжигающая сильнее лесного пожара. Братья не пеклись о ее счастье — они готовы были разорить наполовину собственное княжество, лишь бы вычеркнуть проклятую сестру из своей жизни и услать подальше от шепотков посада. В этот миг отчаяния Мелисса забыла, как Алан и Давид годами ограждали ее от жестокости мира: сейчас щедрое приданое казалось ей лишь красивым

способом избавиться от позора.

Глядя на то, как Зарина с неостывающим воодушевлением перечисляет богатства, Мелисса судорожно сжала кулаки под шалью, пытаясь заглушить, растоптать вспыхнувшую в душе горькую обиду.

«Она ведь просто радуется за меня, — подумала княжна, заставляя себя верить в лучшее, отчаянно цепляясь за образ преданной подруги и усмиряя дрожь в руках. — Зарина добрая. Она просто глупенькая еще, не понимает, каково это. Радуется, что я наконец смогу уехать из этого мрачного терема, вырваться из клетки и, может быть, стать где-то там, на чужбине, счастливой...»

Но израненное сердце все равно судорожно дернулось, точно его с размаху обожгло столетним морозом.

— Зачем он это сделал?.. — тихо, едва слышно, одним движением губ произнесла Мелисса.

Голос ее, обычно ровный, прозвучал надломленно. Она отвернулась к окну, за которым бесновалась белая мгла. Снежные вихри кружились в яростном танце, стирая границы между землей и небом, а ставни натужно скрипели под натиском бурана, напоминая стон пойманной в силки птицы. Мелиссе казалось, что ее собственное будущее теперь выглядит точно так же — туманным, холодным и слепым

— Как зачем? Замуж тебе пора, княжна! Великое дело! — искренне удивилась Зарина, всплеснув пухлыми руками. Она подалась вперед, едва не касаясь своим теплым плечом

замерзшего бока Мелиссы, и заглянула ей в лицо. — Братья ведь любят тебя пуще жизни, Алан с Давидом только и думают денно и нощно, как тебя защитить от злых языков да к доброму, сильному человеку пристроить. Чтобы ты не чахла тут, в тереме, белой птицей взаперти. Ты ведь молода, красива, негоже тебе девичий век вековать в четырех стенах да свитки старые читать! Женихи приедут, один другого краше, выберешь себе сокола!

Зарина перевела дыхание, резко перехватила ладонь Мелиссы своими теплыми, чуть шершавыми от работы руками и преданно, горячо заглянула ей в глаза. Ее широкие ладони, пахнущие сладким липовым цветом и домашним печным дымом, обдали пальцы княжны живым, покалывающим теплом. На их фоне тонкие, почти прозрачные пальцы Мелиссы казались хрупкими январскими сосульками, готовыми треснуть от любого сильного нажатия, но Зарина сжимала их крепко и уверенно, делясь своей неиссякаемой силой.

— Куда бы ты ни отправилась, в какое бы дальнее, неизведанное княжество тебя ни увез будущий муж — я поеду вслед за тобой, Мелиссушка, — горячо, не разжимая пальцев, заговорила Зарина. В подтверждение своих слов она истово, по-славянски прижала свободную ладонь к груди, прямо поверх простого деревянного оберега, словно приносила нерушимую клятву перед лицом всех земных и подземных богов. — Ни перед кем другим спину гнуть не стану, ни к какому чужому, спесивому боярину в услужение не пойду!

А за тобой — хоть на самый край света, хоть в пасть к лешаку! Мы с тобой с самого детства вместе, одной ниточкой связаны, и я тебя ни за что на свете одну среди чужих, злых людей не оставлю. Буду твоими глазами и ушами в чужом доме, верным псом у твоих ног буду, вот увидишь!

От этих горячих, искренних и таких уверенных слов у Мелиссы наконец немного отлегло от сердца. Железный обруч, сжимавший грудь, едва заметно ослаб. По телу, начиная от ладоней, разлилось слабое, спасительное тепло. Она благодарно, судорожно сжала в ответ пухлую, шершавую ладонь подруги, чувствуя себя чуть менее одинокой и заброшенной в этом огромном, пугающем мире. Но горькая, печальная усмешка все же исказила ее бледные, потрескавшиеся от холода губы.

Мелисса мягко, бережно высвободила руку и покачала головой, отводя взгляд.

— Доброму человеку, говоришь? — тихо, с придыханием спросила она. — Заринушка, милая, да ты ведь сама прекрасно знаешь, что обо мне болтают на посаде и за пределами наших стен. Для всех этих людей я — не княжеская дочь благородной крови. Для них я — проклятая, нечистая, болотная ведьма, подкидыш. Какое клеймо я принесу в чужой, славный род? Какой честный, уважаемый витязь или молодой, гордый княжич добровольно захочет ввести в свой дом жену, которую до дрожи, до смертного поклона боится его собственная челядь? Которая приносит в подоле мороз

и несчастья?

Мелисса медленно поднялась из-за стола. Ноги казались ватными, словно налитыми свинцом. Пуховая шаль скользнула ниже, темным шлейфом волочась за ней по мягкому ворсу заморского ковра. Девушка сделала несколько неверных шагов, приоткрыла тугую ставню и робко коснулась кончиками пальцев замерзшей слюды. Изморозь на оконце была удивительной — мороз соткал на мутной пластине причудливые сплетения папоротников, диковинных хвойных ветвей и застывших сказочных трав, словно сама зима пыталась вырастить для княжны свой собственный, мертвый сад. Оконце обжигало стужей, но для Мелиссы этот холод был привычным, почти родным. На толстой, узорчатой изморози от тепла ее кожи тут же протаял крошечный, прозрачный след.

— Братья готовы отдать последнее золото, половину пашен отписать, урезать свои же угодья, — продолжила она еще тише, и в ее надломленном голосе звенящими, колкими льдинками послышались подступающие слезы. В мыслях Мелиссы уже рисовался страшный образ будущего мужа — какого-нибудь жадного, заносчивого воеводы или жестокого заморского королевича, который позарится на отцовское серебро. Такой человек запрет ее в самой дальней, неотапливаемой башне своего терема, отберет богатые земли, а ее саму станет стыдиться, прятать от глаз гостей и проклинать каждую белую прядь на ее голове. — Но разве можно купить

любовь, Зарина? Разве можно сундуками с серебром привязать к себе того, кто не побоится в ночной темноте коснуться моих белых волос? Того, кто не станет судорожно искать в моих глазах сглаз, порчу или погибель для своего первенца? Никто не приедет из тех, кто ищет себе равную жену, верную подругу и хозяйку в терем. Ни один гордый сокол. А если и явится кто на зов Алана — то лишь ради кованых сундуков да богатых земель. Явится, презирая, ненавидя и боясь меня втайне всю оставшуюся жизнь. Я лучше останусь здесь, при братьях, до конца своих дней. Буду безмолвной тенью ходить по углам этого терема, пугать слуг, но вековать в родных стенах, чем стану постылой обузой, вечным страхом и проклятием для чужого, безвинного мужчины.

Зарина сочувственно, протяжно вздохнула. В ее карих глазах, обычно таких лукавых и искристых, на этот раз мелькнула неподдельная, глубокая жалость. Она тихо поднялась с лавки, мягко подошла к княжне сзади и крепко, надежно обняла ее за худые, вздрагивающие плечи. За бревенчатыми стенами в этот миг с новой силой завыл ветер, словно яростно бросаясь на терем и злясь, что две девушки нашли утешение в объятиях друг друга. Служанка бережно поправила сползшую пуховую шаль, укрывая Мелиссу от коварного сквозняка, что тонкой струйкой тянул из пазов окна:

— Не говори так, Мелиссушка, прошу тебя, не гневи судьбу, — шепнула Зарина прямо ей в ухо. — Красота твоя — не проклятие ведьмино, а чудо редкое, богами данное. Просто

люди у нас в княжестве темные, глупые, суеверные, дальше своего собственного носа и тарелки ничего не видели. Вот увидишь, обязательно найдется тот, у кого хватит ума, мужской силы и горячего сердца, чтобы разглядеть твою чистую, светлую душу. Метель вот-вот уляжется, дороги расчистит, ветер утихнет — и женихи приедут. Обязательно приедут, вот помяни мое слово, не бывать тебе вековухой!

Мелисса ничего не ответила. Чтобы не расстраивать и не обижать подругу, которая так отчаянно пыталась ее утешить, она лишь едва заметно кивнула. Но внутри нее все кричало, выло от горького, беспросветного неверия.

Княжна безотрывно смотрела в протаявший глазок. Сквозь непроглядную завесу снегопада не было видно ни дорог, ни посада, ни горизонта — одна лишь глухая, торжествующая зима.

Перед тем как спуститься в обеденный покой, Мелисса позволила Зарине привести себя в порядок и снарядить к столу. Подруга действовала бережно, затаив дыхание, точно касалась хрупкого заморского хрусталя или крыльев бабочки. Она аккуратно, прядь за прядью, расчесала длинные белоснежные волосы, которые до сих пор пушились и едва заметно искрили от сухого морозного воздуха. Зарина ловко заплела их в одну тугую, увесистую косу.

Серебряная змея волос скользнула по спине, доходя княжне почти до самых колен. На бледных прядях не было

ни единого драгоценного украшения, ни жемчужных нитей, ни золотых колтов — Мелисса сама отказалась от них. Лишь простая, гладкая шелковая лента в цвет платья перехватывала косу у самого основания. Но этот чистый, сияющий серебром цвет притягивал взгляд сильнее любого червонного золота и редких самоцветов.

Зарина помогла Мелиссе облачиться в длинный, до самого пола, сарафан из добротного изумрудно-зеленого сукна. Плотная ткань приятно холодила кожу, а по подолу и широким напускам рукавов змеилось тонкое, искусное серебряное шитье, выполненное руками покойной матери. Мелисса на секунду зажмурилась, и перед глазами вспыхнул образ матушки Елены. Она вспомнила, как маленькой девочкой сидела у ее ног, ловя каждое движение. Мать, обладавшая твердой княжеской волей, уверенно вела иглу сквозь сукно, натягивая блестящую нить, и звучным, глубоким голосом напевала старинную балладу о лесной птице. Тогда она казалась Мелиссе вечной и неуязвимой, и никто в тереме не мог помыслить, что вскоре ее жизнь оборвут безжалостные разбойничьи клинки на лесной дороге. Мелисса бережно провела подушечками пальцев по прохладным стежкам, словно касаясь руки матери, которая когда-то так отчаянно пыталась защитить свое дитя этим серебряным узором. Изумрудный цвет удивительно шел княжне. Он выгодно, благородно оттенял ее природную, фарфоровую бледность и делал серые глаза ярче. В полумраке покоев они казались огром-

ными, глубокими, похожими на грозовое предвесеннее небо над далеким, просыпающимся лесом.

— Настоящая лесная царевна, право слово, Мелиссушка, — восхищенно прошептала Зарина, поправляя складки широкого подола. — Княжичи с ума сойдут, как увидят.

Мелисса лишь тихо вздохнула, не разделяя восторга подруги. Выйдя из своих покоев, она неторопливо пошла по длинным переходам княжеского терема. Это было величественное, вековое строение, срубленное еще ее прадедом из огромных, неохватных бревен лиственницы, которые от времени потемнели и стали крепкими, словно камень. Настенные факелы в кованых железных рожках тускло подрагивали, бросая длинные изломанные тени на бревенчатые стены, а под самым потолком сизыми змейками вился легкий смоляной дымок. Сквозь толстые, просмоленные стены лиственницы доносился лишь приглушенный, утробный рык бурана, напоминая о том, какая непогода царит во внешнем мире. Терем дышал живым уютом: натопленные переходы пахли смолой, сушеными таежными травами, сладковатым пчелиным воском и дымком. Бревенчатые стены украшали искусные резные узоры, пушистые медвежьи шкуры, добытые на охоте, и начищенные до зеркального блеска круглые щиты с гербом покойного отца — раскинувшим крылья соколом. Полы были устланы толстыми теплыми коврами, полностью скрадывающими ее шаги. Мелисса шла бесшумно, словно дух.

Навстречу ей по переходу попалась молодая кухонная служанка со связкой сухого лука. Завидев белую княжну, девка испуганно ойкнула, вжалась спиной в бревенчатую стену и торопливо опустила глаза в пол, судорожно перебирая пальцами подол фартука. Чуть дальше старый седой ключник дед Савелий, заметив Мелиссу, низко поклонился, но его рука за пазухой явно творила обережное знамение. Сердце княжны болезненно кольнуло — ведь этот старик помнил ее еще младенцем, когда-то катал на крепком плече по двору детинца и угощал сушеными ягодами, а теперь, поддавшись общему страху, защищался от нее как от злого духа. Мелисса привычно расправила плечи и прошла мимо, глядя строго перед собой. Горький комок подступил к горлу, но она не позволила себе ускорить шаг.

В просторной обеденной зале жарко, с треском пылал каменный очаг, бросая оранжевые отсветы на потолочные балки и развешанное по стенам оружие. Посреди залы стоял длинный дубовый стол, ломившийся от дымящейся еды. Челядь постаралась на славу: здесь были и запеченный свиной окорок с румяной хрустящей корочкой, и исходившие паром пироги с жирной речной рыбой, и кувшины со сладким, пряным сбитнем, сваренным на меду и гвоздике. Рядом на широких деревянных блюдах искусно были разложены другие теремные разносолы: наливная моченая морошка, сочные лесные грузди в глиняных крынках, щедро политые пахучим маслом, и золотистые соты, сочащиеся янтарным тя-

гучим медом.

За столом Мелиссу уже ждали. Стоило изумрудному подолу ее платья переступить порог, как оба мужчины дружно, в один миг поднялись навстречу сестре, огласив залу глухим звоном богатых кафтанов и кованых поясов. Алан и Давид были настоящими витязями, гордостью Михайловских земель — высокими, статными, широкоплечими красавцами с густыми русыми кудрями и ясными, проницательными взорами. Они унаследовали отцовскую богатырскую силу, высокий рост и гордую воеводскую выправку.

— Мелиссушка! — Давид, младший из братьев, улыбнулся так широко и светло, что, казалось, затмил яркие отблески очага.

Он первым сделал шаг вперед, бесцеремонно, по-медвежьи обнял сестру за плечи и звонко поцеловал в макушку. От него пахло морозным ветром, конским потом и кожей — он только что вернулся со двора после тренировки дружины. Заметив, как младшая сестра зябко поводит плечами под шалью, Давид со смехом перехватил ее ладони своими огромными, горячими ручищами, пытаясь согреть ее вечно ледяные пальцы, и шутливо заворчал на обленившихся истопников. Алан, старший, держался строже. Он подошел неторопливо, его лицо, отмеченное ранними морщинами забот, разгладилось. Князь бережно взял Мелиссу за руку, коснувшись губами ее холодных пальцев, и сам отодвинул для нее массивный резной стул.

Глядя на них, Мелисса каждый раз чувствовала, как к горлу подступает волна щемящей нежности и грусти. Она помнила, какую неподъемную, страшную ношу эти двое совсем юных парней взвалили на свои плечи три года назад.

Когда разбойники безжалостно убили на лесной дороге их родителей — старого князя Михаила и добрую княгиню Елену, — Михайловское княжество оказалось на грани гибели. Соседние правители, почуяв слабость и отсутствие твердой руки, уже потирали ладони, готовые разорвать их богатые земли на куски, сжечь посад и угнать людей в рабство. Алану тогда едва исполнилось двадцать четыре года. В один трагический день ему пришлось навсегда забыть о веселых пирах, охоте и беззаботной юности. Он надел давящий на виски отцовский золотой венец и сел на княжеский престол. На его ладони, где раньше красовался отцовский перстень — три года назад бывший ему великоватым, а теперь усевшийся как влитой, — не заживали мозоли от рукояти меча. Этот перстень Мелисса помнила с малых лет: литое темное золото, в центре которого горел крупный багровый яхонт, похожий в лучах солнца на застывшую каплю крови. Раньше этот камень олицетворял для нее отцовскую защиту, а теперь на руке брата стал суровым символом унаследованной власти и неподъемной ответственности за все Михайловское княжество. Ему пришлось проявить недюжинную, порой пугающую жесткость, чтобы приструнить взбунтовавшихся бояр и показать соседям: Михайловский терем по-прежнему кре-

пок, а соколиный род умеет выпускать когти.

— Не хмурься, Мелиссушка! — горячо подхватил Давид, заметив, как поникли ее плечи. — Нам с Аланом уже невыносимо смотреть, как ты день за днем добровольно прячешься в четырех стенах из-за глупых суеверий темных, невежественных людей с посада. Пора выходить на свет, сестренка. Пора показать им всем, кто ты есть!

Мелисса опустила глаза, уставившись на узорчатую скатерть. Одной рукой она потянулась к тарелке, разламывая тонкими, дрожащими пальцами пышный, румяный кусок рыбного пирога. Но к еде она так и не прикоснулась — горло сдавило горьким, тугим спазмом, а в груди снова заскребся тот самый утренний лед.

— Братья мои, я всем сердцем ценю вашу заботу, знаю, как нелегко вам... — тихо, едва слышно начала она. Ее пальцы судорожно, до белизны в суставах, сжали край плотной скатерти. — Но зачем было слать птиц во все концы Светлороси? Мое приданое... оно ведь слишком велико. Половина пашен, лучшие лесные угодья до самой Черной речки, три кованых сундука с литым серебром. Вы... вы ведь просто хотите откупиться от меня, верно? Хотите поскорее сбыть с рук проклятую сестру, чьи белые волосы позорят наш благородный род? Скажите мне честно, прямо здесь... Вы просто хотите навсегда избавиться от меня?

Слово «проклятая» сорвалось с ее губ и повисло в воздухе

ледяным камнем. В палате воцарилась глухая тишина.

Молоденькая сенная девка Малуша, собиравшаяся поставить на стол кувшин со сбитнем, испуганно замерла на полпути и едва не выронила глиняный сосуд, округлив глаза от страха. Она инстинктивно втянула голову в плечи и зажмурилась, судорожно зашептав про себя защитный наговор от сглаза, словно само это слово из уст княжны могло испортить напиток. Мелисса краем глаза заметила это минутное замешательство служанки, и горькая обида в ее душе вспыхнула с новой, обжигающей силой. Слышно было лишь, как яростно трещат березовые дрова в огромном очаге.

Давид резко, с лихой стремительностью подался вперед всем телом. Он с глухим грохотом стукнул своим кубком по дубовой столешнице, так что багровая брусничная влага выплеснулась на стол, точно капли крови. Темные брызги мгновенно впитались в беленый холст скатерти, расползаясь зловещим, рваным пятном, от которого Мелисса невольно вздрогнула. В один широкий жест он перехватил ее тонкие, ледяные пальцы, намертво сжав их своими горячими, мозолистыми ладонями воина. Огненный жар его рук мгновенно пробил онемевшую кожу сестры, заставляя внутренний холод в ее груди болезненно затрещать.

— Не смей так говорить, Мелиссушка! Никогда не смей! — горячо, с глубокой, искренней обидой в голосе воскликнул он. В его ясных глазах вспыхнул яростный, защитный огонь, способный испепелить любого обидчика. — Проклят

тот пес, у кого язык повернется назвать тебя ведьмой или навлечь на тебя хулу на нашем дворе! Ты наша единственная сестренка, единственная живая капелька матушкиной души, что осталась у нас в этом холодном мире. Мы с Аланом жизни за тебя отдадим, не задумываясь, под любые стрелы встанем, если потребуется!

— Давид прав. Никогда больше, слышишь, не думай, будто ты нам в тягость, — веско кивнул Алан.

Он со вздохом потер переносицу, закрыв на секунду глаза. На его гладком лбу прорезались глубокие, не по годам морщины — след тех трех лет, что он нес на себе бремя власти. Старший брат протянул руку и накрыл их соединенные с Давидом руки своей огромной, теплой ладонью, слегка сжав пальцы, словно замыкая семейный круг и делясь своей несокрушимой мужской силой. Оказавшись в этом тройном замке из братских рук, Мелисса почувствовала себя зажатой между двух надежных огней — порывистым, яростным теплом Давида и монолитной силой Алана. Это прикосновение на долю секунды вернуло ее в далекое детство, когда родители были живы, а весь Михайловский терем казался нерушимой, безопасной гаванью.

— Мелисса, послушай меня внимательно и пойми правильно, — Алан заговорил медленно, и в его голосе звенела сталь. На мгновение он бросил короткий, хмурый взгляд в угол залы, где на деревянной подставке покоилась кованая отцовская броня, а рядом висела пожелтевшая пергаментная

карта их рубежей. — Наш Михайловский терем — твоя крепость, твоя надежная защита до тех пор, пока мы с Давидом дышим и можем держать клинки. Но мы не вечны, сестренка. Нам каждый божий день приходится рисковать головой. Соседние князья только и ждут нашей ошибки, бояре шепчутся по углам, выискивая слабость в соколином роде, а лесные разбойники и степняки не дают покоя границам. Жизнь воина и князя коротка, она может оборваться в любой стычке на заставе.

Брат сделал паузу, и его пальцы сжались чуть сильнее.

— Если с нами обоими что-то случится в бою... кто защитит тебя? Кто убережет? Люди вокруг темны, суеверны, глупы и невероятно жестоки, когда ими правит страх. Стоит нам с Давидом закрыть глаза навсегда и лечь в сырую землю к родителям, и эти самые слуги, эти преданные на первый взгляд бояре сожрут тебя живьем за твои белые волосы. Они обвинят тебя во всех грехах, во всех неурожаях и бедах княжества, назовут ведьмой и сожгут. Сердце мое каждый день кровью обливается от одной только мысли, что ты можешь остаться одна-одинешенька против озлобленного, безумного мира без защиты.

Алан заглянул ей прямо в самые глубины ее грозовых серых глаз, и в его суровом, княжеском взгляде Мелисса увидела то, чего никак не ожидала — глухую, болезненную, почти отцовскую тревогу и безграничную, щемящую любовь:

— Тебе нужен муж, Мелиссушка, — мягко, но непреклон-

но закончил Алан, крепче сжимая ее пальцы. — Сильный, знатный, уважаемый в своих землях князь или воеводский сын. Тот, кто введет тебя в свой терем как законную, полноправную хозяйку и, если понадобится, выставит у твоих дверей сотню верных дружинников с обнаженными мечами. Мужчина, за которым ты будешь стоять как за каменной, несокрушимой стеной, куда бы ни докатились наши княжеские междоусобицы. Ты чиста, добра и прекрасна лицом — вся в покойную матушку нашу, княгиню Елену, пошла. И твои волосы... это не проклятие болотной нечисти, как болтают глупцы. Это редкий, дивный дар природы, который делает тебя особенной, выделяет среди тысячи других дев.

— Брат прав, истинно прав! — снова подхватил Давид.

Он бережно погладил ее ладонь своими шершавыми пальцами, изо всех сил пытаясь растопить застарелые девичьи страхи сестры своей широкой, уверенной улыбкой. Давид слегка наклонил голову, заглядывая под ее опущенные ресницы, и заговорил тише, но с прежней горячностью:

— Отгони эти дурные, черные мысли прочь, Мелисса. Твое богатое приданое — это вовсе не позорный выкуп, которым мы с Аланом пытаемся тебя кому-то навязать, лишь бы сбыть с рук. Это знак нашего, Михайловского уважения к твоему будущему мужу. Это весомое, крепкое слово твоего родного дома. Мы отдаем эти земли для того, чтобы в чужой, дальней стороне каждый ведал: за твоей спиной стоит грозная, карающая сила соколиного рода, которая никогда

и никому не даст тебя в обиду. Обязательно, слышишь, обязательно найдется человек, чей разум не затуманен чужими глупыми наговорами и страхом перед неизвестным. Настоящий мужчина, витязь с сильной волей, который сумеет оценить твою истинную, редкую красоту и примет тебя как величайший дар судьбы, наперекор любым домыслам суеверной толпы. И ради того, чтобы найти его, мы с Аланом, если надо будет, всю Светлорось вверх дном перевернем!

Чтобы окончательно разрушить повисшую в зале тяжесть, Давид шутливо подмигнул сестре и мягко подтолкнул поближе к ее руке кубок с брусничным взваром, от которого все еще поднимался тонкий, сладковатый пар. Он легонько щелкнул пальцем по чеканному боку серебряного сосуда, заставив изображенных там барсов словно ожить в прыжке под отсветами очага.

Слова братьев, полные такой искренней, бесхитростной любви, надежной мужской защиты и слепой, непоколебимой веры в ее счастливое будущее, наконец достигли цели. Они точно горячие угли упали на израненное, привыкшее к глухому одиночеству сердце девушки. Ком, стоявший в горле с самого утра, медленно растворился. Мелисса подняла голову и посмотрела на братьев — в их глазах не было ни капли лжи или брезгливости, только тревога за нее.

Впервые за это хмурое пепельное утро она слабо, но искренне и благодарно улыбнулась.

Оранжевые отсветы великого пламени в очаге на миг от-

разились в ее грозовых глазах, делая их живыми и теплыми. Напряжение покинуло ее плечи, и изумрудное сукно сарафана мягко легло на колени. Рядом с ними, под защитой их широких плеч и верных мечей, она действительно чувствовала себя в абсолютной безопасности, словно маленькая девочка, которой снова нечего бояться. Мелисса сделала глоток из кубка, и сладкое брусничное тепло разлилось по телу. Пряный аромат гвоздики и меда окончательно вытеснил удушливый запах утренних страхов.

Вот только глубоко внутри, в самых потаенных и темных уголках ее души, где все еще царил утренний сумрак, все равно шевелился тихий, липкий и пугающий голосок. Он настойчиво шептал, что никакое золото братьев и никакие мечи дружины не смогут остановить то, что уже предрешено древними силами. Голосок шептал, что суровые женихи со всей Светлороси принесут с собой вовсе не долгожданный покой, а истинную бурю, способную разнести этот терем по бревнам. И зимняя метель за окном... она только-только начинается.

Глава 2. Ожидание и надежды

После того обеда неделя потянулась неспешно, укрытая пуховым покрывалом снегопадов. Метель за стенами терема жила своей капризной жизнью: то затихала на пару часов, оставляя после себя звенящую тишину и сугробы в человеческий рост, то принималась выть с новой силой. В такие буранные ночи казалось, будто зима пытается окончательно отрезать Михайловское княжество от остального мира, запереть его обитателей в деревянном плену.

Великая Светлорось раскинулась от ледяных северных фьордов до жарких южных степей, объединяя десятки уделов. Сердцем ее, древним и заповедным, исстари звалось Светлолесье — обширная внутренняя область, укрытая вековыми сосновыми и дубовыми борами, где магия земли еще не уснула окончательно под пятой княжеских дружин. Родное Михайловское княжество Мелиссы лежало на самом краю северных рубежей Светлороси, а за древними чащами Светлолесья начинался выжженный солнцем Юг, где раскинулся второй по величине и мощи удел тамошних земель — суровое владение князя Дамира.

Но если внешне жизнь в тереме текла размеренным чередом, то внутри Мелиссы все семь дней бушевала своя, изнуряющая буря.

Она никак не могла выкинуть из головы мысль о почтовых голубях, улетевших в морозную, слепую даль. Каждую ночь, кутаясь в одеяло, девушка подолгу лежала с открытыми глазами, глядя в темноту. Лунный свет сквозь узоры слюды дробился на полу уродливыми бликами, похожими на серебряные монеты. По покоям гуляли длинные тени, а бревна от лютого мороза трещали так резко, что ей то и дело чудился глухой стук копыт у ворот или шаги на переходе. Девушка судорожно натягивала шаль до самого носа, спасаясь не от холода в горнице, а от леденящих душу страхов. В памяти раз за разом всплывали горячие, утешающие слова братьев. Они обещали защиту, рисовали картины счастливого замужества, но вслед за этими надеждами неизменно полз липкий страх.

Что, если Алан и Давид жестоко ошибаются? Что, если весь мир за пределами их родного дома видит в ней вовсе не прекрасную княжну, а беловолосое болотное чудовище? Мелисса безумно, до дрожи в коленях боялась позора. И не столько за себя — к плевкам и шепоткам она давно привыкла, — сколько за свою семью. Ей до боли в груди не хотелось, чтобы из-за ее «проклятия» над ее сильными, гордыми братьями кто-то посмел посмеяться. Она до ужаса отчетливо представляла, как соседние правители с презрительной усмешкой разворачивают письма Алана и зачитывают их своим дружинникам, поднимая на смех Михайловский терем, вынужденный сундуками золота навязывать кому-то

проклятую девку.

Однако день шел за днем, складываясь в спокойную, ленивую череду зимних будней, и растревоженное сердце Мелиссы постепенно успокаивалось. Ей даже начало казаться, что птицы Алана просто замерзли на полпути, упав мертвыми комочками в глухие лесные снега, или что гордые князья из южных земель просто оставили приглашение без ответа, посчитав ниже своего достоинства откликаться на него.

Девушка уже почти выкинула из головы тревожные мысли о нежеланных смотринах, с облегчением вернувшись к своим тихим, незаметным радостям. Чтобы не изводить себя думами, она часами пропадала на жаркой, пропахшей дымом и тестом поварне. Княжеской дочери не пристало возиться у печей, но челядь, поначалу бледневшая при виде ее белых волос, быстро привыкла к ее кроткой помощи. Мелисса находила успокоение в простом труде: перебирала с поварихами сушеную чернику, вдыхала сытный дух поднимающейся опары, топленого масла и печеных яблок, вымешивала податливое тесто, и старая стряпуха тетка Меланья, которая поначалу испуганно крестилась при виде молодой княжны, теперь лишь по-матерински ласково шлепала ее по ладони, приговаривая, что у такой хорошей девицы и хлеб выходит знатным, и никакой мороз его не испортит. В эти часы, под монотонный говор поварих и треск дров в огромных печах, ее проклятие словно истончалось, уступая место обычному человеческому уюту.

К концу седьмого дня, когда ранние зимние сумерки плотно сгустились над теремом, а Зарина зажгла в покоях масляные лампады, разливая по бревенчатым стенам теплый янтарный свет, хрупкий покой Мелиссы подошел к концу.

Она сидела на лавке у печи, склонившись над деревянными пяльцами, и вышивала серебряной нитью летящего сокола — герб их рода. Заморская канитель ровно ложилась на сукно, а стежки в свете лампады казались продолжением ее собственных волос.

Вдруг массивная дубовая дверь без стука, стремительно отворилась. Мелисса от неожиданности вздрогнула. Острая игла больно кольнула палец, и на натянутую изумрудную ткань, прямо на крыло вышитого сокола, упала крошечная, круглая капля темной крови. Багровая капля мгновенно впиталась в серебряные нити, словно зловеще оживляя вышитую птицу.

В покои вошел Алан. На нем не было ни привычного кованого пояса, ни доспехов — лишь легкий домашний кафтан из темно-синего бархата, подпоясанный шелковым шнурком. Но лицо старшего брата, освещенное колеблющимся пламенем лампады, было пугающе серьезным, сосредоточенным и бледным. В опущенной руке он до побеления костяшек сжимал свиток из телячьей кожи. На шнуре покачивалась крупная сургучная печать цвета запекшейся крови с оттиском оскаленной медвежьей лапы.

Мелисса замерла, так и не убрав палец от вышивки, и мед-

ленно подняла на брата огромные, мгновенно потемневшие от вернувшегося страха серые глаза. В комнате стало так тихо, что слышно было, как масло тихонько трещит в лампаде.

— Не спишь еще, сестрица? — негромко и мягко спросил Алан, переступая порог и притворяя за собой дубовую створку. Он прошел вглубь комнаты, мягко ступая по коврам, и присел на самый край ее высокой постели. От него пахло морозной свежестью, воском и старой пергаментной кожей.

— Нет, брат, — Мелисса покачала головой, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Не спится что-то. Что-то случилось? На дальних заставах снова неспокойно? Или разбойники из лесов прорвались?

Алан покачал головой, и на его обветренных губах появилась редкая, теплая улыбка.

— На заставе все тихо, слава богам. Дружина держит рубежи крепко. Но наши дозорные только что прискакали со старого тракта. Птицы наши долетели куда нужно еще до бурана, и знатные гости уже давно в пути — метель задержала их на полдороге, но теперь заносы расчистили. Передовые гонцы привезли письма и вести: через три дня в наш терем прибудут сразу три жениха на твою руку. Едут молодые, знатные княжичи из северных, восточных и южных земель.

Мелисса тихо, испуганно охнула. Пальцы ее судорожно сжались. Девушка выронила деревянные пяльцы из ослабевших рук. Они с глухим стуком упали на ковер и покатились

под ножки лавки, а натянутая изумрудная ткань с вышитым соколом, на крыле которого зловеще темнела свежая кровь, уродливо заломилась.

Княжна порывисто дернулась, желая поднять работу, но сил в теле не было. Она чувствовала, как к самому горлу липким, удушливым комом подступает ледяная паника. Настоящие, живые женихи. Из плоти и крови. Они уже едут сюда, сквозь сугробы и мороз. Едут для того, чтобы смотреть на нее, оценивать, взвешивать ее достоинства, словно породистую кобылицу на ярмарке, и тайно шептаться за ее спиной о ведьмином сглазе.

— Алан... Я не могу, я не выдержу этого, — едва слышно прошептала она, бледнея еще сильнее своего обычного, мертвенно-белого цвета. — Зачем им это? Зачем ты позвал их? Они ведь испугаются, едва я переступлю порог залы. Они увидят меня, мои волосы... испугаются проклятия и уедут прочь, опозорив наш дом на всю Светлорось.

Алан молча подался вперед и перехватил ее дрожащие, ледяные руки своими огромными, горячими ладонями. Он аккуратно заставил ее выпустить окровавленный лоскут ткани, бережно зажав ее пальцы, и заглянул прямо в ее полные первобытного ужаса серые глаза. Его голос теперь звучал ровно, твердо и размеренно — так говорит опытный воевода перед началом решающего, смертного боя, когда отступать уже некуда:

— Никто не посмеет уехать и оскорбить наш соколиный

род, Мелисса. Запомни это. Мы позвали на эти смотрины не случайных людей и не трусливых мальчишек. Из Озерного края к нам едет княжич Борислав — суровый муж, чьи люди не боятся ни лешего, ни ледяных штормов. Из Чернолесья скачет молодой воеводич Изяслав, чья дружина годами держит дикую пограничную чащобу. Но самый знатный, самый сильный из них — князь Дамир с благодатных, теплых южных земель. О его великодушии, баснословном богатстве и недюжинном, остром уме говорят по всей Светлороси. Он лично, своей рукой ответил на наше послание. В том свитке, что скреплен медвежьей лапой, Дамир прямо написал, что на его щедром юге людей судят не по цвету волос или бабьим наговорам, а по верности, чести и благородству древнего рода. Дамир заверил в письме, что глупые суеверия северных посадов его ни капли не волнуют. Он ищет себе достойную, чистую сердцем жену и хозяйку в свой замок, а не дурацкие сказки старых нянек.

— Но если они увидят мои волосы... если даже этот Дамир посчитает меня ведьмой и нечистью? — одна крупная, горькая слеза все-таки сорвалась с ресниц княжны и покатилась по бледной щеке.

Алан медленно поднял руку и с несвойственной его суровой натуре нежностью бережно смахнул эту соленую каплю подушечкой своего широкого, мозолистого пальца.

— Тогда он уедет с миром, а мы закроем ворота и будем искать дальше, — твердо, как мечом отрезал Алан, подни-

маясь с дубовой кровати.

Он ласково, с глубокой братской нежностью коснулся ладонью ее белоснежной, сияющей в полумраке макушки, приглаживая пушащиеся пряди.

— Соберись, сестренка. Полно дрожать. Ты — Михайловская княжна, в твоих жилах течет кровь гордых правителей. Через три дня ты выйдешь к этим мужчинам в обеденную залу с высоко поднятой головой, в самом лучшем своем наряде. Позволь Зарине снарядить тебя как настоящую королеву. А мы с Давидом сделаем так, чтобы ни один косой взгляд, ни один шепоток на дворе не посмел тебя ранить. Мы твой щит. Доброй ночи, лебедушка.

Когда Алан вышел, плотно притворив за собой дубовую дверь, Мелисса еще очень долго сидела неподвижно у остывающей печи. Лампада на прикроватном столике начала медленно угасать, фитиль потрескивал, и длинные, изломанные тени по углам покоя вытягивались, словно безмолвные стражи ее одиночества. За толстыми стенами из лиственницы снова глухо и гулко ухнул мороз, заставив бревна издать резкий, звенящий щелчок. В ушах все еще звенел его уверенный, сильный голос. Паника, бившаяся в груди птицей, постепенно уступала место какому-то новому, странному и щемящему чувству. Обида и страх никуда не исчезли, но сквозь них, точно первый весенний росток сквозь мертвую толщу наледи, несмело пробивалась хрупкая, едва различимая надежда.

«Князь Дамир...» — мысленно, пробуя на вкус, повторила она незнакомое, звучное имя. В ее воображении, взлелеянном старыми рукописными свитками и рассказами заезжих купцов, далекий Юг рисовался краем немыслимых чудес — землей, где солнце никогда не умирает, а воздух пахнет пряными травами и спелыми янтарными яблоками. И в ее иссушенном страхом сердце, вопреки всякой логике, вдруг вспыхнуло робкое, трепетное ожидание чуда. Что, если этот далекий южный князь действительно окажется ее спасителем? Тем самым сильным человеком, который не побоится ее ледяной, пугающей белизны? Который разглядит за ведьминым мороком ее настоящую душу?

Тихий, вкрадчивый шорох за спиной внезапно отвлек ее от мыслей. Мелисса вздрогнула и обернулась. Высокая парчовая ширма, расшитая диковинными зверями, едва заметно колыхнулась от чужого частого дыхания, и из-за нее бесшумно выскользнула Зарина. Ее карие глаза, обычно лукавые и веселые, сейчас горели лихорадочным, странным и почти пугающим блеском. На щеках пылал яркий румянец. Служанка, затаившись, слышала каждое слово князя Алана от начала и до конца. Она судорожно сжала пальцами край своего фартука, переводя дыхание, и подалась вперед, к Мелиссе, словно в комнату только что принесли сундук с тем самым литым серебром.

— Ты слышала это, Мелиссушка? Слышала?! — жадно, захлебываясь от нахлынувших чувств, прошептала служан-

ка.

Она подлетела к постели, упала на колени перед хозяйкой и ухватилась за подол ее сарафана, восторженно глядя снизу вверх:

— Сам князь Дамир едет! Настоящий южный владыка! На Юге ведь, сказывают купцы, холодов не знают, круглый год тепло, земля дважды в лето плоды дает, а золото рекой течет! У них даже замки из тесаного белого камня сложены, до самого неба! Вот утрем нос всем этим спесивым дворовым девкам да боярским дочкам, что морды от тебя воротят!Ты будешь самой богатой, самой знатной княгиней во всей Светлороси. А я... я ведь всегда буду подле тебя, Мелиссушка! В шелках ходить станем, горя знать не будем!

Мелисса лишь тихо, безрадостно вздохнула, глядя на эту бурную, излишне приземленную радость подруги. Ей самой каменные замки и сундуки с золотом казались далекими и чужими. Но дороги со старого тракта были расчищены, гонцы уже скакали обратно. Неумолимое колесо судьбы со скрипом повернулось, и пути назад, в ее привычное, безопасное затворничество, больше не было.

Чтобы хоть как-то заглушить грызущие изнутри переживания и не сойти с ума от паники, Мелисса в оставшиеся до приезда гостей дни старалась каждую минуту занять делом. Она почти не сидела в своих покоях: помогала ключницам перебирать старые запасы в сундуках, сама отбирала лучшую шелковую тесьму для ремонта кафтана Давида.

Помня об ответственности за этот прием, младший брат сам на мгновение забежал к ней в горницу, весело потрепал сестру по бледной щеке и со смехом поблагодарил за накрепко пришитый рукав, в котором он обещал выглядеть за столом настоящим грозным воеводой. Мелисса лишь грустно улыбалась его шуткам, и, как прежде, спускалась на поварню, находя спасение в монотонном кухонном труде. Время, подгоняемое страхом, летело безжалостно быстро.

Во второй половине следующего дня, когда тусклое солнце едва проглядывало сквозь серую дымку, Мелисса замерла у окна крытого перехода, ведущего в конюшни. От бревен тянуло сквозняком, заставляя плотнее кутаться в шаль. Сверху открывался вид на широкий детинец, дочиста расчищенный дружинниками. Воины в меховых безрукавках поверх кольчуг торопливо сгребали последние остатки наледи огромными деревянными лопатами, готовя двор к торжественному приему и то и дело поглядывая в сторону раскинувшихся массивных ворот детинца в ожидании знатных гостей.

Ткань ее тревожных мыслей мгновенно порвалась, стоило ей взглянуть вниз, на тренировочную площадку.

Там, на морозе, сбросив шубы и прикрываясь щитами, Алан и Давид скрестили мечи в яростном поединке. От рубящих ударов сталь о сталь во все стороны летели снопы искр. Братья разительно отличались друг от друга даже в повадках. Русоволосый, широкоплечий Алан двигался плавно, расчет-

ливо, экономя каждое движение; его защита была непробиваемой, как каменная скала. Каштановые, растрепанные кудри Давида, напротив, дикими волнами метались из стороны в сторону; младший брат двигался стремительно, его атаки были молниеносными, кошачьими, яростными и совершенно непредсказуемыми, а из-под его кожаных сапог при каждом резком выпаде взлетала легкая, искрящаяся ледяная крошка.

Мощные удары клинков с гулким, металлическим звоном оглашали весь двор, далеко разлетаясь по посаду.

При каждом выдохе от мужчин поднимались густые клубы белого пара, а на их крепких, обтянутых лишь тонкими рубахами торсах проступал обильный пот, несмотря на пронизывающий до костей ветер.

Мелисса заметила, как у широких дверей людской избы и у ворот конюшни потихоньку собирались дворовые девки, судомойки и молодые дочери местных дружинников. Они все как одна разрумянились от щекочущего мороза, тихонько хихикали, кокетливо прикрывая лица краями расписных шерстяных платков, и буквально пожирали статных братьев-князей влюбленными, восхищенными взглядами. Каждая из этих девчонок втайне мечтала, чтобы суровый Алан или разудалый Давид бросили на нее хотя бы один мимолетный, случайный взор. Давид, заметив девичью стайку, со смехом перехватил щит и крикнул им что-то задорное, от-

чего девки брызнули в стороны, заливаясь краской.

Мелисса горько вздохнула, прижавшись лбом к холодной деревянной раме галереи. Она смотрела на это простое, бесхитростное девичье счастье, и сердце ее подтачивала тихая зависть. Однако сквозь эту горькую обиду в ее груди вдруг впервые шевельнулось иное, забытое чувство — холодная, царственная гордость соколиного рода. Она вспомнила слова Алана. Пусть дворовые парни в страхе обходят ее стороной, но эти хихикающие девки гнут перед ней, княжной Мелиссой, спины и ломают поклоны. Она не нищенка и не безродная служанка, чтобы вечно прятать глаза. Она — дочь великих правителей, хозяйка этого терема, и суровые витязи со всей Светлороси скачут сквозь буран именно к ней.

Ей самой такие легкие, чистые радости были закрыты наглухо. Парни на посаде и молодые воины при виде ее серебряных волос спешили испуганно свернуть в ближайший переулок, тайно крестя грудь. Для них она была не женщиной, не княжной — а ледяным знамением беды.

Вечерами, когда терем погружался в густые синие сумерки, а во дворе один за другим с громким треском загорались смоляные факелы, укрывая углы детинца длинными тенями, в покои Мелиссы неизменно приходила Зарина. Она не просто безмолвно убирала комнату или стелила постель.

Для Мелиссы она оставалась единственным человеком во всем мире, перед которым можно было полностью, без остатка открыть израненную, уставшую от притворства душу.

В последний вечер перед смотринами, когда за окном наконец установилась глухая, тихая погода, а мороз сковал землю звенящей хваткой, Зарина бережно, зубец за зубцом, расчесала белоснежные волосы хозяйки перед сном. Длинные пряди шуршали под костяным гребнем, искрясь в темноте, точно морозная паутина, и это легкое покалывание приятно холодило кожу головы. Мелисса не выдержала гнетущей тишины и тихо вздохнула, ловя в серебряном зеркале взгляд подруги:

— Заринушка... а вдруг они все-таки приедут завтра? Из этих дальних, чужих княжеств… Какие они будут, эти мужчины? Мне страшно даже представить их лица, когда они увидят меня при полном свете.

Зарина лукаво прищурилась в круглое серебряное зеркало, поймав испуганный взгляд хозяйки. На губах служанки заиграла понимающая, мягкая улыбка, а плавные, убаюкивающие движения костяного гребня по серебряным прядям не прекратились ни на миг.

— А чего бояться-то, лебедушка моя? — ласково, певуче протянула служанка. — Давай-ка мы лучше с тобой их представим, этих заморских господ! Вот, к примеру, северные князья. Купцы на торгу болтали, что они там, на своем лютом полночном севере, в Озерном крае, все до одного в богатых соболях да куницах ходят. Суровые, огромные, бородатые — чисто лесные медведи! Слова лишнего не вытя-

нешь, глазами так и сверкают из-под меховых шапок. Зато терема у них — полная чаша, кованые сундуки от пушнины и моржовой кости ломятся, ни в чем до конца веку нужды знать не будешь! Будешь сидеть за глухими стенами, как царица, золотые чаши считать.

Зарина сделала паузу, перекидывая тяжелую белоснежную косу через плечо Мелиссы, и продолжила еще восторженнее:

— А восточные княжичи? О-о, те совсем другие! Сказывают, из самого Чернолесья едут, статные они, тонкие в поясе, выезд у них богатый. В шелках да тонкой парче щеголяют, солнце на золотом шитье кафтанов так и горит, глаза слепит! А кони у них — чистый огонь, быстрее самого степного ветра носятся. С таким мужем и сама, Мелиссушка, засияешь новой звездой, все златокузнецы восточные к твоим ногам самоцветы бросать станут.

Мелисса горько усмехнулась и опустила взгляд на свои тонкие пальцы, безвольно лежащие на коленях. Но в следующее мгновение ее плечи расправились. Страх отступил перед царственным величием: в ее жилах, вопреки бабьим сказкам, текла гордая кровь Михайловских князей. Мелисса медленно вскинула голову, твердо взглянув на свое серебряное отражение.

— Думаешь, восточный спесивый щеголь захочет взять в жены девицу с волосами цвета январской стужи? — тихо, с нескрываемой болью спросила княжна, и ее голос едва

уловимо дрогнул. Но в этой дрожи теперь звенел благородный металл, а серые очи потемнели, сделавшись глубокими и властными. — Да он ведь при первом же взгляде на меня, в лучах своего жаркого солнца, за обереги схватится. Подумает, что перед ним сама богиня Морена стоит — ледяная смерть, пришедшая высушить его цветущие сады. Люди не любят зиму, Зарина. Ее боятся и ждут, когда она уйдет.

— Ну и дурак будет, коли схватится! Трус несчастный! — горячо, с искренней злостью отозвалась Зарина.

Она со стуком отложила костяной гребень на прикроватный столик, отчего серебряная оправа зеркала тихонько звякнула. Служанка шустро опустилась на низкую резную скамью у ног подруги, снизу вверх заглядывая в ее осунувшееся лицо. Она преданно, крепко-крепко сжала ладони Мелиссы в своих теплых, чуть шершавых руках, делясь своим живым, человеческим жаром:

— Ты у нас как царевна из старых дедовских сказок, Мелиссушка! Кожа — чистый снег, очи — предгрозовое небо. Пусть только попробует кто-то из этих заезжих гордецов губы свои кривить да нос воротить — братья наши быстро его спесь калеными мечами поубавят! Помяни мое слово, приедет среди них такой витязь, у которого и сердце будет храброе, как у льва, и разум чистый от пустых россказней нашего посада. Посмотрит он один-единственный раз в твои серые глаза — и обо всем на свете позабудет, навек у ног твоих останется. И увезет тебя далеко-далеко, в свой собственный

замок, где ты наконец-то по-настоящему счастлива будешь, без этих вечных, постылых пряток за теремным забором. А я ведь с тобой поеду, помнишь? Одна ты там среди чужих людей и злых слуг не останешься, я твой покой денно и нощно караулить буду, никому в обиду не дам!

Эти тихие девичьи разговоры у жарко натопленной изразцовой печи, под монотонный, глухой треск прогорающих березовых дров, постепенно сделали свое дело. Они немного убаюкали затаившиеся страхи Мелиссы, укачали ее растревоженную, уставшую от ожидания душу.

Когда Зарина наконец задула масляные лампады и бесшумно выскользнула из покоев, погрузив горницу в мягкий, синеватый полумрак ночи, Мелисса закрыла глаза. В ту ночь ей приснился странный, манящий сон: она стояла посреди замерзшего поля, где свирепствовала стужа, а навстречу сквозь мглу скакал всадник в золотых доспехах — князь Дамир. Под копытами его коня с треском плавился лед, обнажая живую землю, а в руке горел факел, разгоняющий тьму. Но стоило ему протянуть к ней ладонь, как серебряные волосы Мелиссы вспыхнули холодным синим пламенем, ослепив обоих. Яркие мистические искры закружились в темноте, согревая ее онемевшее тело. Во сне князь только улыбнулся и прижал девушку к груди, отчего ее сердце сладко запело. Проснувшись в утренних сумерках, она вспоминала свой сон, искренне надеясь, что он сулит только хорошее.

Глава 3. Полночный воск

В ночь перед приездом женихов слепая метель за окнами терема наконец утихла, оставив после себя звенящую тишину. Ветер больше не бился в ставни и не выл в печных трубах, но этот мертвенный покой пугал Мелиссу даже сильнее бурана. В этой звенящей пустоте она отчетливо слышала прерывистый стук собственного сердца, а из глубин могучих стен доносился едва уловимый, тонкий, хрустальный треск — то застывали древесные соки внутри столетних бревен лиственницы, скованные лютым полуночным морозом.

Вековой лес, плотным кольцом обступавший княжество, стоял недвижимый, точно завороженный стужей, под призрачным сиянием полной луны. Серебряный диск катился по бездонному небу, заливая спящий детинец мертвенно-бледным светом. Зимняя ночь словно затаила дыхание, превратившись в застывшее ледяное зеркало, ожидая завтрашнего дня, который должен был навсегда расколоть привычный мир соколиного дома.

В покоях было темно и прохладно. Узкие окна затянуло узорами изморози, сквозь которую едва пробивался лунный луч, чертя на полу серебряную полосу, похожую на лезвие клинка. Лишь у самого изразцового очага еще дрожало, бросая на бревенчатые стены длинные, качающиеся тени, теп-

лое багровое пламя угасающих углей, напоминавшее глаза притаившегося впотьмах зверя. Из темных углов выползал густой, вязкий сумрак, пахнущий сушеной лавандой, старым пергаментом и остывающим воском.

Мелисса сидела прямо на ковре, поджав ноги и обхватив колени руками, в одной ночной сорочке из тонкого белого льна, без единой обережной вышивки по подолу — в полумраке горницы девушка сама казалась бесплотным призраком. Она намеренно отказалась от защитных красных узоров, которые няньки обычно вышивали на подолах для защиты от нечисти. Мелисса горько подумала: «Зачем мне чужие обереги, если главный холод и морок и так живут во мне самой, под моими собственными ребрами?». В этом отказе от привычной защиты впервые проявился ее тихий, но твердый, несгибаемый характер. Белоснежные волосы рассыпались по ее плечам до самого пола, сливаясь с полотном сорочки и тускло мерцая в лунном свете, точно морозный дым.

Из головы княжны никак не шли тревожные мысли о завтрашнем утре. Завтра ее тихая, уединенная жизнь, ее хрупкий и безопасный мир будут безжалостно выставлены на всеобщие торги. Завтра чужие мужчины придут в этот терем, чтобы оценивать ее, словно диковинную, проклятую вещь, купленную братьями за горы литого серебра и половину лучших отцовских пашен. Грудь болезненно сдавливало от глухого, липкого предчувствия неминуемой беды.

И все же где-тов самых потаенных, дальних уголках из-

раненного сердца, вопреки всякой логике, политическим играм братьев и здравому смыслу, теплилась робкая, отчаянная девичья надежда.

«А вдруг? — проносилось в ее мыслях, пока она неотрывно смотрела на тлеющие багровые угли. — Вдруг среди них действительно окажется тот самый человек, который не посмотрит на мои белые волосы с отвращением или суеверным ужасом? Тот, кто разглядит за этой ледяной белизной меня саму — обычную, испуганную девчонку, и захочет защитить от всего мира? Защитить не ради трех кованых сундуков серебра и лесных угодий, а просто так... потому что я ему понравлюсь?»

От одной этой мимолетной мысли сердце сладостно, больно замирало в груди, но Мелисса тут же судорожно одергивала себя, искренне боясь жестоко обмануться. Внутренний страх перед неизвестным спорил с просыпающейся в ней княжеской гордостью. Она мысленно поклялась себе: если эти мужчины приехали лишь ради богатств Алана и станут смотреть на нее как на проклятую обузу — она встретит их таким леденящим, царственным высокомерием, что ни один заносчивый гость не посмеет увидеть ее девичью слабость. Ведь Алан ясно дал понять: женихи едут за силой Михайловского дома. Едут за землями.

Массивная дубовая дверь тихо, едва слышно скрипнула, нарушив звенящее безмолвие покоев. В покои бесшумной тенью скользнула Зарина. На ней был простой домотканый

сарафан из серой шерсти, но лицо горело таким лихорадочным румянцем, что весь ее скромный наряд казался праздничным. В руках Зарина бережно, словно святыню, несла широкую глиняную чашу с ключевой водой и оплывший огарок восковой свечи. Чаша из красной глины была покрыта по краям старинными резными чертами — оберегом от злых духов, а огарок пах терпким лесным медом. Карие глаза служанки блестели шальным азартом.

— Мелиссушка, не спишь еще? — шепотом, едва дыша, позвала подруга, воровато оглянувшись на дверь.

Она бесшумно опустилась на ковер рядом с княжной, обдав ее легким холодом коридорного сквозняка, запахом пота и свежей колодезной воды. Зарина аккуратно поставила глиняную чашу на пол прямо между ними. Ледяная вода в ней на миг качнулась, поймав багровый отблеск очага и превратившись в темное, пугающее зеркало, отразившее их лица.

Зарина наклонилась вперед, вынимая из складок сарафана кресало. В тишине сухо щелкнул металл о кремень. Сноп искр полетел на трут, на миг выхватив из темноты их лица и заставив тени на стенах качнуться.

— Самая полночь пришла, Мелиссушка! Время тайное, сильное: луна полная, метель улеглась, сам Лес за стенами замер. Давай на воске погадаем, суженого вызовем! Узнаем, кто твой сокол будет — северный медведь, восточный щеголь или сам князь Дамир!

Мелисса испуганно отшатнулась, едва не задев подолом

белой сорочки глиняный бок чаши. Черное водяное зеркало между ними снова дрогнуло, разбивая отражения их лиц на мелкие, колеблющиеся осколки.

— Не надо, Заринушка... — вырвалось у нее тихим, умоляющим шепотом. Она прижала руки к груди, пряча пальцы под копной серебряных волос. — Грех это. Алан и так сказал, что кости брошены. Судьба моя уже решена братьями на совете дружины. Зачем расспрашивать тьму? Вдруг она ответит то, чего я не вынесу?

— Да какой там грех, Мелиссушка, окстись! — Зарина нетерпеливо отмахнулась, и в ее глазах, отражавших багровые печные угли, мелькнуло что-то фанатичное, упрямое. — Девки на посаде в каждую святочную ночь льют, и ничего, живы-здоровы! А нонче ночь особенная — небо чистое, луна вон какая дебелая катается. Лес молчит, слушает. Неужто тебе самой не хочется хоть глазком заглянуть за край завтрашнего дня? Узнать, кто твой сокол будет, под чье крыло ты укроешься от злых языков?

Служанка резко чиркнула кресалом. Сноп желтых, горячих искр со звоном сорвался с металла, на мгновение осветив ее круглое, лихорадочно дышащее лицо. Кремень схватился с трутом, и Зарина бережно поднесла огонек к фитилю толстого огарка. Полумрак горницы испуганно отступил в углы, когда вспыхнул ровный язычок желтого пламени. По комнате тут же поплыл густой, одуряюще сладкий аромат нагретого пчелиного воска и старого улья.

Мелисса смотрела на этот огонек, словно завороженная. Слова Зарины про «сокола» и «защиту» против воли ударили по самому живому, бередя ту самую тайную девичью надежду, которую она так тщательно прятала от самой себя. Ей до боли в груди, до сладкой дрожи хотелось верить, что завтра приедет не суровый хозяин, купивший ее земли, а защитник.

— Ну же, бери, — Зарина настойчиво протянула ей загорающуюся свечу. — Твоя рука должна лить, Мелиссушка. Твоя кровь княжеская, твоя и судьба. Держи над самой водой, да мысли свои очисти. Думай о суженом.

Мелисса горько улыбнулась, едва заметно качнув головой, и пышная серебряная коса шелковистой лентой скользнула по тонким складкам ночной сорочки:

— Зачем это все, Заринушка? Чтобы увидеть в воде очертания очередных сундуков с золотом, пашен или чье-то искаженное суеверным страхом лицо заезжего витязя? Ты же сама прекрасно знаешь — чуда не случится. Алан прав, кости брошены. Завтра здесь будут не суженые, а суровые купцы, приехавшие торговаться за Михайловские земли.

— А ты не каркай раньше времени, лебедушка! Не гневи ночных духов, — Зарина шутливо, по-девичьи толкнула ее своим теплым плечом в бок и поудобнее перехватила глиняные бока чаши, пристраивая ее на ковре ровно между ними. — Матушка моя, покойница, всегда говорила: колодезная вода в полнолуние никогда не врет, она саму душу чело-

веческую насквозь видит. Ну же, не робей, покроши воск в ложку да растопи над огнем!

Мелисса тихо вздохнула, понимая, что спорить с упрямой, загоревшейся идеей подругой бесполезно, да и потаенное, чисто девичье любопытство уже тонкой иглой жгло изнутри. Она потянулась к прикроватному столику и взяла старинную серебряную ложку с длинной витой ручкой. Пальцами, все еще слегка подрагивающими от ночной прохлады покоев, она принялась крошить податливый янтарный воск, пахнущий ушедшим летом и сушеной травой.

Когда ложка наполнилась восковой крошкой, Мелисса, осторожно наклонившись вперед, протянула руку к самому пламени изразцового очага, где еще плясали багровые языки огня. Огонь жадно лизнул закопченное донце. Мелисса отчетливо чувствовала, как сухой, обжигающий жар от углей греет пальцы, но не отстранялась, словно завороженная. Она смотрела, как сухие крупицы пчелиного воска под воздействием тепла быстро плывут, теряют форму, соединяются и превращаются в горячую янтарную слезу.

Сердце забилось чаще, глухими ударами отдавая в ребра. Древняя, дремлющая в ее крови тяга к неведомому — к той самой магии, которой так боялись люди — заставила Мелиссу затаить дыхание. В этот миг ее пальцы внезапно перестали дрожать, а взгляд обрел несвойственную ей ранее твердость и леденящую силу. Она больше не чувствовала себя беспомощной жертвой чужих интриг или проклятия стужи — она

ощутила себя истинной хозяйкой своей судьбы. Весь прежний страх перед грехом ночной ворожбы без остатка растворился в этом дрожащем желтом пламени.

— Лей, Мелиссушка, прямо в самый центр, в один заход! Не тяни, а то остынет морок! — неистово, затаив дыхание, выдохнула Зарина. Служанка подалась всем телом вперед, едва не касаясь носом глиняного края сосуда, ее карие глаза расширились от азарта.

Мелисса резко перевернула руку. Струйка жидкого, раскаленного воска с тихим, отчетливым шипящим звуком хлынула в ледяную колодезную гладь.

Шшш...

Горячий воск мгновенно остыл, и на темной поверхности воды, повинуясь законам неведомых, древних сил, начала стремительно застывать причудливая янтарная фигура. Девушки одновременно, затаив дыхание, склонились над чашей. Их волосы — пышные каштановые кудри Зарины и серебряные пряди Мелиссы — почти переплелись в полумраке, освещаемые лишь угасающим очагом.

Обычно у дворовых девок на посаде воск застывал простыми, понятными кольцами, сулящими скорую свадьбу, круглыми очертаниями богатых теремов или фигурками коней. Но то, что отлилось в воде в эту полнолунную январскую ночь, заставило Зарину испуганно, судорожно ахнуть. Служанка резко отпрянула назад на ковер, едва не опрокинув глиняную чашу, и прижала ладонь к мгновенно побледн-

невшим губам.

На глади воды застыл четкий, словно вырезанный костерезом узор. Воск отлился в раскидистую хвойную ветку — с рельефной корой, узлами и длинными острыми иголками, похожими на сосновые.

Но самым странным и жутким было вовсе не это. Прямо под восковой ветвью колодезная вода внезапно пошла мелкими, частыми пузырями, словно закипая от невидимого жаркого ключа, хотя сама чаша оставалась леденяще холодной на ощупь.

По коже пробежали жаркие мурашки, а мороз горницы на миг отступил. Из глубины чаши на нее пахнуло не ледяной стужей, а густым духом пробуждающейся весенней земли, талого снега и нагретой солнцем хвои. Этот запах был настолько реальным, живым, что стены зимнего терема на миг исчезли, раздвинулись, уступая место бескрайней тайге.

А затем, прежде чем янтарная фигура окончательно затвердела, она с тихим, тонким, похожим на хрустальный звон звуком раскололась ровно надвое. Одна половина сосновой ветки так и осталась лежать на поверхности, мерно покачиваясь на кругах, а вторая — камнем пошла ко дну, утянув за собой часть узора. Она опускалась медленно, оставляя за собой таинственный серебристый шлейф, похожий на морозный дым ее собственных волос, и окрасила воду на глубине в едва заметный, загадочный цвет, точь-в-точь как пряди княжны. Зарина смотрела на это с немым, благоговейным ужасом, осознавая, что они только что разбудили силы куда более древние, чем духи посада.

— Господи правый… царь небесный… — прошептала Зарина, судорожно и часто крестясь дрожащей рукой. Она

смотрела на чашу с первобытным, диким страхом, в котором не осталось и следа от прежнего девичьего задора. Ее пальцы крупно дрожали, а сама служанка воровато, испуганно оглядывалась на заиндевевшие, покрытые ледяными узорами слюдяные окна, словно боясь, что из глухой темноты двора за ними уже подсматривают невидимые ночные духи, привлеченные запахом растопленного воска. Зубы девки мелко постукивали от этого внезапного ужаса. — Мелиссушка, что это? Это ведь... это ведь не человеческий знак! Не бывает таких женихов у крещеных людей. Будто сам леший какой из дремучей, Черной чащи тебе свою отметину шлет, проклятие твое болотное аукается! Давай выльем это, Мелисса? От греха подальше, пока беду на весь терем не накликали, выльем прямо сейчас в снег, за ворота!

Служанка в панике протянула руки к чаше, собираясь подхватить ее, но Мелисса сидела недвижимо, как каменное изваяние, высеченное изо льда под лунным лучом.

Внутри, в самом сердце, впервые за долгие годы зазвенела тонкая струна, и тревога отступила, уступив место глубокому покою. Восковой знак не пугал ее, как пугал суеверную челядь. Напротив, ей показалось, что кто-то далекий и сильный, скрытый в ночной тишине неизведанного мира, только что ласково коснулся ее израненной души, обещая свою защиту и безмолвное покровительство.

— Не выливай, — тихо, но так властно, твердо и холодно произнесла Мелисса, что Зарина удивленно замерла, опу-

стив руки. Служанка мгновенно подчинилась этому новому, незнакомому тону молодой княжны, испуганно уставившись на нее.

Мелисса медленно протянула свои тонкие пальцы, опустила их в ледяную воду, которая приятно обожгла кожу стужей, и бережно достала со дна чаши отколотый восковой кусочек хвойной ветви. Таинственная серебристая взвесь на дне сосуда от этого движения пошла плавными кругами, на мгновение словно обвив ее тонкое запястье мерцающим, призрачным браслетом, прежде чем снова осесть. Мелисса крепко сжала воск в ладони, чувствуя, как едва уловимое, угасающее тепло пчелиного воска окончательно успокаивает ее внутреннюю дрожь. Она была готова встретить завтрашний день.

Она поняла: ее жених не будет простым человеком. Он придет не из тех шелковых и парчовых карет, о которых с восторгом твердила Зарина, его не заманят сундуки с серебром Михайловского терема. Его судьба была накрепко переплетена с чем-то куда более могущественным, диким и древним, чем людские законы и княжеские пашни.

Засыпая под бледным лунным светом, Мелисса сжимала в кулаке у сердца крошечный, пахнущий хвоей кусочек янтарного воска. За толстыми стенами терема недвижимый бор, залитый серебром луны, больше не казался чужим и враждебным — он словно охранял ее покой в эту мистическую полночь. Мелисса впервые за долгое время ждала наступле-

ния утра не с леденящим ужасом, а с затаенным, робким и сладким ожиданием настоящего чуда.

Глава 4. Под прозрачной вуалью

Суматоха, царившая в тереме с рассвета, к полудню достигла пика. Покои Мелиссы напоминали поле боя: сенные девки с испуганным писком вбегали и выбегали из дверей, шурша юбками и едва не сбивая друг друга с ног. Они несли расшитые шелком рушники, костяные гребни, шкатулки с самоцветами и серебряные флаконы с заморскими маслами, от которых в спертом воздухе стоял приторный аромат лаванды и роз. Одна из девок в спешке едва не выронила склянку, и пара капель упала на половицы, сделав цветочный дух совсем удушливым. Вся эта предпраздничная суета, обычно так радовавшая молодых девиц перед смотринами, Мелиссу лишь оглушала, давила на виски железным обручем.

Княжна стояла посреди комнаты безмолвная и бледная, точно высеченное изо льда изваяние. Она послушно раскинула руки в стороны, пока Зарина, пыхтя от усердия, бережно, но крепко затягивала тугую шелковую шнуровку на ее парадном платье.

Сегодня на Мелиссе было бархатное платье густого, почти черного бордового цвета, присланное когда-то купцами с Юга в подарок покойной княгине. Плотная ткань без единой морщинки облегала ее хрупкую фигуру, спадая к полу

тяжелыми складками. Контраст получился ослепительным, почти пугающим своей неземной красотой — на фоне этого темного, винного бархата ее белоснежные, уложенные Зариной в высокую коронообразную косу волосы казались сотканными из чистого лунного света. Они сияли в полумраке терема так ярко, что притягивали к себе взгляд вопреки всякой воле. Девки-служанки, передавая Зарине шпильки, завороженно пялились на это серебряное сияние, а затем торопливо отводили глаза, шепча обереги. Мелиссе казалось, что ее наряжают не к венцу, а на плаху.

— Не дрожи, моя лебедушка, — шепнула на ухо Зарина, закрепляя на ее голове серебряное очелье с невесомой фатой, покрытое резьбой, похожей на январский иней на стекле. Прозрачный шелк укрыл лицо княжны до подбородка, точно утренний туман, смягчая испуганный блеск огромных серых глаз и пряча мертвенную бледность. Мир за пределами этой вуали мгновенно сделался размытым, зыбким. Зарина ласково, ободряюще поправила складки фаты на ее хрупких плечах и заглянула под шелк:

— Братья тебя в обиду не дадут, Мелиссушка. Алан с Давидом там, внизу, как каменные скалы стоят, дружина при мечах. Помни, что воск ночью в чаше показал — твоя судьба необычная, великая судьба. Не бойся ты этих заезжих господ, они перед твоей красотой сами на колени падут.

Мелисса ничего не ответила. Горло по-прежнему сдавливал глухой, удушливый спазм паники, не позволяя вытолкнуть ни единого звука. Вместо пустых слов она лишь молча опустила руку в потайной глубокий карман пышного бархатного платья и крепко, до боли сжала в ладони тот самый

осколок застывшей восковой ветви, который тайно достала ночью со дна ледяной чаши.

Острые восковые иголки ощутимо укололи пальцы — прямо там, где ее накануне ранила игла. Эта резкая боль вернула ускользающую опору, уняв внутреннюю дрожь. В памяти, вытесняя удушливый запах роз, снова всплыл тот самый терпкий, живительный аромат талой весенней земли и нагретой солнцем хвои, ворвавшийся в ее комнату посреди январской стужи. Знак Леса был с ней. Она была не одна.

Сделав глубокий, решительный вдох через силу, Мелисса расправила плечи, высоко подняла голову под невесомой туманной фатой и твердо шагнула за порог своих покоев, навстречу неизвестности. Снизу, сквозь переходы, уже долетал раскатистый гул мужских голосов, лай псов и лязг оружия. Шум был таким сильным, что Мелисса подошвами ощущала мелкую дрожь в половицах под ногами.

А в это самое время внизу, на широком княжеском детинце, дочиста очищенном от утреннего снега, метель окончательно утихла, оставив после себя высокое, хрустальное синее небо. Яркое морозное солнце заставляло вековые сугробы у теремных стен искриться ослепительной алмазной крошкой, от которой больно резало глаза.

Протяжный рев дозорного рога раздался как раз в тот момент, когда Мелисса, шурша бархатом, шла по крытым переходам. Звук отозвался в толстых стенах лиственницы, эхом ударив в грудь. Сердце девушки забилось на самой грани

паники: во двор Михайловского терема, взрывая копытами наст, один за другим въезжали два пышных, грозных княжеских поезда. Мелисса не выдержала. Она замерла у стены, прильнув лицом к узорчатым резным щелям галереи, и затаила дыхание. Морозный, хлесткий воздух сквозь щели пахнул ей в лицо запахом конского пота, дегтя и снежной пыли, но она застыла, боясь шевельнуться, чтобы шорох ее наряда не выдал ее присутствия.

Первым чинно шел отряд из Озерного края — вотчины князя Борислава. Перед его расписным возком на высоких полозьях ехали три десятка дружинников на вороных конях. Сам Борислав вышел из саней неторопливо, с властным достоинством. Видный, холеный мужчина лет тридцати с точеными чертами лица и аккуратно остриженной темной бородой. На его плечах царственным грузом лежал богатый соболий воротник, а на длинных пальцах, затянутых в тонкую кожу, поблескивали крупные перстни с самоцветами. В каждом его выверенном движении сквозила непоколебимая уверенность хозяина жизни, привыкшего брать то, что принадлежит ему по праву силы или золота.

Мелисса сразу поняла: этот человек приехал сюда за новыми пашнями и Михайловским серебром, а сама она для него — лишь опасный ключ к богатству. Озерный князь вскинул голову, скользнув по окнам и ставням терема оценивающим взглядом опытного игрока, который намерен выиграть эту партию у молодых князей. Вслед за ним во двор

въехал отряд воеводича Изяслава из Чернолесья. Этот род исстари славился бесстрашными воинами, и сам Изяслав выглядел как надежный защитник порубежья — чуть моложе Борислава, широкоплечий, со шрамом на волевом подбородке и копной каштановых волос, не знавших шапки. Он был одет куда проще озерного князя, но его боевые доспехи из закаленной стали стоили целого состояния, а за спиной на ветру развевался широкий бордовый плащ, подбитый волчьим мехом. От его дружины, скакавшей на коренастых лесных конях, веяло запахом дегтя, оружейной смазки и звериных шкур. Изяслав держался в седле прямо и уверенно, поглядывая на выстроившуюся Михайловскую дружину с суровым уважением равного к равным. Алан накануне говорил, что род Чернолесья ищет крепкого военного союза против кочевников — и глядя на открытое лицо воеводича, Мелисса подумала, что такой человек, пожалуй, действительно готов принять ее со всеми ведьмиными слухами, если она окажется достойной хозяйкой для его дома.

Едва кони Чернолесья замерли у коновязей, Борислав медленно обернулся, окинув взглядом вычищенный двор. Его холодный взор зацепился за тренировочную площадку, где на досках еще поблескивали искры ледяной крошки, а у столба остался стоять дубовый щит Давида, покрытый све-

жими зазубринами. Озерный князь утонченно, едва заметно приподнял уголок губ, и в тишине детинца его голос прозвучал излишне громко и спесиво:

— Гляжу я на этот двор и думаю... Неужто хозяева Михайловского терема так увлеклись рассылкой почтовых птиц, что ратное дело совсем забросили? Оружие на детинце брошено, мечи, верно, у молодых княжичей полегчали. Неровен час, станут они легче, чем перья тех самых сизокрылых голубей, что летали за нашей дружиной.

Давид, стоявший на верхних ступенях крыльца, изменился в лице. В карих глазах полыхнул яростный огонь, с которым он выжигал разбойничьи гнезда. Он в один шаг сбежал вниз, огласив двор звоном кованого пояса, и положил ладонь на рукоять меча:

— Ты приехал торговаться за пашни, князь Борислав, или решил прямо здесь проверить, насколько тяжела михайловская сталь?

Воины Озерного края тут же дружно хмыкнули, перехватив поводья и потянувшись к клинкам, а Михайловские дружинники за спиной Давида шагнули вперед, выстроившись живой стеной. Воздух на детинце за секунду стал удушливым и горячим, пахнущим близкой кровью. Мелисса у окна испуганно прижала ладонь к груди сквозь вуаль, чувствуя, как паника снова перехватывает горло.

Но прежде чем Алан успел подать знак своей страже, меж-

ду Давидом и Борославом выросла могучая фигура Изяслава. Воеводич Чернолесья, осадив коня прямо между ними, веско опустил ладонь на плечо Давида, сдерживая его порыв.. Его бордовый плащ взметнулся на ветру, обдав мужчин запахом волчьего меха:

— Остынь, Давид Михайлович. Негоже хозяину проливать кровь гостей до того, как они отведают его меда. А тебе, Борислав, скажу так: соколиный род когти выпускать умеет, это вся Светлорось знает. Если ты приехал сюда как на ярмарку — торгуйся умом, а не языком, воинов дразнить — последнее дело для князя.

Борислав лишь холодно прищурился, оценивая силу отпора, но спорить не стал, сделав шаг назад с легким, расчетливым поклоном. Напряжение медленно покинуло двор, хотя руки воинов так и остались лежать на навершиях мечей. Давид хмуро повернулся, возвращаясь на крыльцо к старшему брату, но в сторону Изяслава бросил короткий, суровый взгляд, в котором читалось негласное мужское уважение.

Алан и Давид в парадных парчовых кафтанах, подпоясанных золотыми ремнями, и при мечах вышли на крыльцо. Пар от горячего каравая на серебряном блюде поднимался в морозном воздухе, смешиваясь со сладким духом меда в костяных чашах.

Но Мелисса, наблюдавшая за этим действом сверху, сквозь резные щели деревянного перехода, сжалась в комок под своей фатой. Она отчетливо заметила, как князь Бори-

слав, принимая чеканный серебряный кубок с медом из рук Алана, едва заметно склонил голову и произнес приветствие с едва уловимой, высокомерной усмешкой на тонких губах. В этой улыбке не было открытого, наказуемого оскорбления, но сквозило такое явное скрытое превосходство, словно озерный правитель уже мысленно примерил на себя роль полновластного хозяина этих земель и лишь снисходительно соглашался закрыть глаза на «проклятие» невесты ради ее приданого. У Мелиссы похолодели пальцы. Она видела, как при этой улыбке у Давида, стоявшего чуть позади Алана, на миг бешено заходили желваки на лице, а мозолистая ладонь судорожно легла на рукоять меча. Мир в тереме держался на волоске.

А Дамир... Поезд третьего жениха, могущественного южного владыки, на детинце пока так и не появился. Белая зимняя дорога за воротами, уходящая вглубь леса, оставалась девственно чистой и пустой.

Мелисса медленно отпрянула от окна и направилась дальше по переходу к дубовым дверям главного пиршественного зала. Внутри нее, заглушая страх перед Бориславом, забилась новая, горькая мысль: неужели южанин передумал? Неужели Дамир, чье имя она шептала всю ночь, испугался ведьминых сказок в последний момент и повернул коней назад? Она двигалась вперед, чувствуя, как за ее спиной, шуршащей плотным бархатом платья, безмолвно смыкаются холодные тени ее новой, неизведанной судьбы.

Массивные резные створки пиршественной палаты беззвучно разошлись перед Мелиссой. Слуги-отроки, завидев окутанный туманной фатой силуэт княжны, торопливо отхлынули к бревенчатым стенам, низко склоняя головы.

Встреча гостей проходила в большой гриднице. Высокие сводчатые потолки, подпертые дубовыми столбами, тонули в полумраке, а на стенах, завешанных медвежьими шкурами, плясали отсветы сотен свечей в кованых паникадилах. Из углов тянуло запахом жареного мяса, старого меда и пчелиного воска.

Алан и Давид уже ждали сестру на почетном княжеском месте, у самого очага. Они вошли в гридницу всего мгновением ранее, пока челядь провожала приехавших Бориславa и Изяслава в гостевые покои с дороги.

Заметив Мелиссу, Давид, все еще часто дышавший после дворовой стычки, раздраженно крутанул на пальце кожаный ремешок меча, а на лбу Алана залегла хмурая, грозовая складка.

Мелисса, вопреки охватившему ее страху, вдруг медленно выпрямила спину. Она плавно подошла к братьям и, протянув свои ледяные пальцы, мягко, но уверенно опустила ладонь на горячее запястье Давида, заставляя его убрать руку с рукояти. Под прозрачной туманной вуалью ее взгляд сделался холодным и сосредоточенным.

— Опусти ладонь, брат, — тихо, но на удивление ровно и веско произнесла она. — И ты, Алан, разгладь морщины. Если озерный князь приехал сюда как хитрый купец, решив, что соколиный род можно купить или уязвить ухмылкой — я сама заставлю его уважать наше имя. Без единой капли кро-

ви. Я Михайловская княжна и не позволю вытирать о себя ноги на нашем собственном дворе. Спрячьте сталь, пока гости не вошли.

Братья ошеломленно переглянулись, пораженные этой внезапной, леденящей царственной силой в голосе младшей сестры. Давид медленно выдохнул, и желваки на его лице наконец замерли, а Алан одобрительно, с глубокой гордостью кивнул, признавая ее правоту.

Стоило Мелиссе подойти, как братья встали по обе руки от нее, точно два несокрушимых утеса — широкоплечие и статные, опустив ладони на кованые пояса. Их каменные, суровые лица и застывшие, стальные взгляды ясно говорили каждому присутствующему в зале: в этом тереме шутить с честью княжны никто не позволит, и за один кривой взгляд или оскорбительный шепоток здесь платят кровью.

Мелисса стояла между ними, чувствуя себя хрупкой веточкой меж двух вековых дубов. Бордовый бархат платья волочился по коврам, а прозрачная фата едва заметно колыхалась от ее прерывистого дыхания.

В этот момент противоположные двери зала с глухим стуком распахнулись настежь. В палату чинно, с истинно княжеским достоинством вошли первые претенденты на ее руку в сопровождении своих именитых воевод и слуг, со звоном несущих заморские дары.

Мелисса затаила дыхание. Сквозь тонкую, зыбкую сетку фаты она принялась внимательно разглядывать тех, в чьи ру-

ки ее старшие братья были готовы отдать ее судьбу.

Первым шел князь Борислав, правитель богатых Озерных земель Севера. Богатая шуба из дорогого куньего меха, небрежно наброшенная на одно плечо поверх расшитого шелком кафтана, подчеркивала его высокий статус и богатство. Переступив порог, северный князь не бросился к накрытым столам и не повел себя развязно. Напротив, он отвесил хозяевам безупречный, изысканный поклон, принятый в дальних южных царствах. Слуги Бориславa тут же выступили вперед, выкладывая на серебряные блюда заморский круглый жемчуг и литые обручи из холодного белого металла. Но стоило ледяному взгляду озерного правителя остановиться на Мелиссе, как в зрачках блеснул хищный азарт. В этих глазах не было ни капли восхищения ее красотой — только сытая жадность купца, оценивающего дорогой товар.Борислав бесцеремонно, медленно смерил взглядом ее тонкую фигуру под бордовым бархатом, на секунду задержался на просвечивающей сквозь фату серебряной короне волос и едва заметно, хитро улыбнулся кончиками тонких губ. В этой улыбке сквозило скрытое, обидное превосходство игрока, который намерен использовать суеверный страх посада как рычаг, чтобы подешевле забрать Михайловский род вместе со всеми его землями.

Опустив взгляд на подносы с дарами, Борислав сделал еще один плавный шаг вперед и заговорил. Его голос, утонченный и текучий, звенящим эхом разнесся под сводами грид-

ницы:

— Великий князь Алан, храбрый Давид... Примите от Озерного края эти скромные подношения. Мы привезли вам белое серебро и чистый жемчуг — они столь же холодны, безупречны и бледны, как утренний зимний иней. Нам показалось, что эти дары как нельзя лучше подойдут духу вашего Михайловского терема.

В палате мгновенно воцарилась удушливая, зловещая тишина. Давид за спиной сестры так сильно сжал рукоять меча, что кожа его перчатки натужно хрустнула. Борислав ухмылялся, уверенный, что его тонкий намек на «проклятие» княжны останется безнаказанным.

Но Мелисса не дрогнула. Помня свою клятву, она сделала медленный, величественный шаг вперед, плавно шурша роскошным бархатом. Сквозь прозрачную завесу вуали ее серые глаза сверкнули леденящим, царственным огнем древних правителей:

— Михайловский терем с благодарностью принимает твои дары, князь Борислав, — хладнокровно и удивительно ровно ответила она, и от ее обманчивой мягкости озерный правитель едва заметно дрогнул лицом. — Холодный металл крепок в ратном деле, а жемчуг чист. Но помни, князь: зимний иней на севере красив и покорен лишь до тех пор, пока не превратится в лютый буран, способный в одно мгновение дочиста засыпать чужие далекие пашни. Торгуйся умом, а не стужей.

Борислав на секунду лишился дара речи, его спесивая улыбка застыла, а в глазах промелькнуло искреннее замешательство перед этой неожиданной силой духа. Стоявший чуть поодаль воеводич Изяслав восхищенно и громко усмехнулся в кулак, мгновенно оценив гордый отпор белой княжны.

Вторым в палату вступил воеводич Изяслав, прибывший с суровых, опасных Чернолесских рубежей Востока. Этот витязь был полной противоположностью утонченному северному дипломату. Широкоплечий, статный, со свежим, еще багровым боевым шрамом на волевом подбородке и копной густых каштановых волос, он выглядел как истинный защитник границ, редко снимающий кольчугу. Вместо кричащей роскоши шелков на нем были начищенные до блеска доспехи поверх глухого бордового кафтана, а за спиной свисал широкий плащ, подбитый волчьим мехом. По его знаку отроки выложили перед Аланом харалужные клинки и огромную шкуру черного медведя — дар для княжны.

Изяслав держался прямо, твердо и открыто. Заметив Мелиссу, воеводич на мгновение замер на месте, и в его карих глазах на миг мелькнула естественная, глубокая человеческая настороженность — отголосок тех самых жутких бабьих сказок о «проклятой болотной ведьме». Но воеводич быстро, по-мужски взял себя в руки. Он не стал испуганно хвататься за обереги под кафтаном или мелко креститься грудь, а лишь крепче сжал мозолистой рукой рукоять сабли и веж-

ливо, с глубоким уважением поклонился княжне, выказывая почтение ее благородной княжеской крови. Его род отчаянно искал крепкого военного союза с Михайловской дружиной, и Изяслав был искренне готов рискнуть, приняв в свой дом необычную, пугающую жену ради мира и безопасности на своих границах.

И все же Мелисса почувствовала, как ее сердце в это мгновение пронзила острая, до боли знакомая обида. Ни один из этих сильных мужчин не видел в ней женщину, чьего сердца хотелось бы достичь. Один видел лишь три кованых сундука с литым серебром, лесные угодья и богатые отцовские пашни; второй — опасный, пусть и стратегически выгодный политический шаг, сопряженный со скрытым страхом перед ее белыми волосами. Матушкины слова о том, что ее белизна — это «редкий дар природы», сейчас казались Мелиссе несбыточной, глупой детской сказкой.

Она судорожно, сквозь плотную ткань платья сжала в кармане осколок восковой сосновой ветки. Янтарные иголки больно укололи пальцы, возвращая ей самообладание и не позволяя выказать свою слабость перед чужаками.

Алан рядом с сестрой опасно, хищно нахмурился, заметив, как Борислав слишком долго и бесцеремонно задерживает свой ледяной взгляд на изгибах фигуры Мелиссы. Старший брат сделал едва заметное движение вперед, частично заслоняя сестру своим широким плечом. Давид же сжал кулаки так сильно, что костяшки пальцев побелели до синевы,

а карие глаза младшего брата зажглись яростным обещанием скорой, жестокой расправы, если северный гость посмеет переступить черту дозволенного хотя бы на вершок.

В зале повисла звенящая тишина. Все ждали появления третьего жениха, но южного князя Дамира все еще не было. Наконец Алан жестом пригласил гостей к накрытым столам, и пир начался, но тревожное напряжение никуда не ушло.

Борислав вальяжно откинулся на высокую резную спинку дубового кресла, демонстративно крутя в тонких пальцах серебряный кубок. Хмельной мед, похоже, развязал озерному князю язык пуще прежнего, а затянувшаяся пауза и отсутствие третьего, самого опасного соперника явно придавали ему дерзости. Его ледяные глаза хищно прищурились, фиксируя каждое движение хозяев терема.

— Михайловские земли исстари славились своей невиданной щедростью, — бархатным, вкрадчивым голосом начал Борислав, глядя на Мелиссу прямо сквозь дрожащее пламя свечей. — И княжна ваша... необычайно, дивно бледная, точно сама зимняя стужа сошла в этот зал. Не каждому мужчине, признаться, под силу согреть такую ледяную лебедушку. Но для сильного, уверенного в себе правителя суеверия темного люда на посадах — лишь пустой, глупый звук. Особенно если приданое... так хорошо согревает душу.

В просторной палате в тот же миг сделалось так тихо, что

слышно было, как с тихим треском оплывает воск на кованых паникадилах. Воеводич Изяслав Чернолесский нахмурился и демонстративно отодвинул от себя чашу с вином, явно недовольный вызывающим и наглым тоном соседа.

Но Борислава этого было мало. Он поймал лихорадочный кураж игрока, чувствующего свое превосходство над молодыми князьями. Он перевел прямой, бесцеремонный взгляд на безмолвную, окутанную фатой фигуру Мелиссы:

— Однако, князья Алан и Давид, мы сидим здесь уже добрый час, пьем ваш мед, а невеста скрывается за глухой тканью, словно постыдный подкидыш. На посаде болтают, что очи белой княжны способны высушить колодцы в летний зной, а от одного прикосновения ее серебряных волос каменеет кровь в жилах витязей. Нам, северянам, предстоит ввести ее в свой дом, делить с ней ложе и растить наследников. Так негоже торговать конем в мешке! Сбрось фату, Мелисса Михайловна. Яви нам свое лицо. Покажи, за какое чудо я должен отдать полказны и лучшие соболиные угодья, или слухи на торгу — вовсе не сказки старых нянек?

— Ах ты, пес озерный!.. — бешено взревел Давид.

Младший брат с грохотом вскочил со своего места, с размаху опрокинув дубовый стул. Зала огласилась хищным звоном стали — Давид в ярости выхватил меч, и острие замерло в полувершке от горла Борислава.

— Ты в Михайловском тереме, тварь, а не на ярмарке! — сорвавшимся на хрип голосом выкрикнул Давид, и его карие

глаза налились темной кровью. — Одно твое косое слово — и я выпущу твои кишки прямо на этот ковер, плевать мне на твои пашни и твоих дружинников!

В ту же секунду по всей палате раздался оглушительный скрежет оружия. Три десятка воинов Борислава, сидевшие за нижними столами, разом вскочили, выхватывая сабли. Михайловская дружина, стоявшая у стен, мгновенно взяла гостей в кольцо, вскидывая боевые секиры и обнажая клинки. Сенные девки с визгом бросились врассыпную, роняя глиняные блюда и кувшины. Изяслав Чернолесский тоже поднялся, его рука жестко легла на рукоять сабли, но он не двигался, оценивая, чью сторону занять, если сейчас начнется кровавая резня.

Борислав даже не вздрогнул от наведенного на него острия. Он лишь приподнял бровь, а на его тонких губах заиграла сытая, торжествующая усмешка. Он добился своего — вывел Михайловичей из равновесия, заставив нарушить закон гостеприимства.

— Алан-князь, — холодно, не глядя на Давида, произнес Борислав. — Твой младший воевода бросается на гостей с железом. Так ли у вас чтут законы Светлороси? Или я прав, и вам действительно есть что скрывать под этой фатой?

Алан медленно поднялся во весь рост. Его лицо почернело, на лбу вздулись вены, а пальцы на рукояти меча побелели.

— Давид, опусти меч, — глухо, со страшной, сдержива-

емой силой в голосе приказал старший брат. — Опусти, я сказал. С гостем я буду говорить сам.

— Алан, он издевается над ней! — не оборачиваясь, яростно выдохнул Давид, но клинок не убрал, его рука мелко дрожала от бушевавшего внутри гнева.

Мелисса смотрела на эту сцену сквозь зыбкую сетку фаты, и внутри у нее все переворачивалось от первобытного ужаса. Из-за нее, из-за цвета ее волос сейчас прольется кровь. Дружина Борислава не уйдет отсюда живой, но и Михайловский терем будет залит кровью, а весной на них двинется все Озерное княжество. Братья погибнут из-за ее проклятия.

И в этот момент леденящая паника внутри нее вдруг перегорела, превратившись в чистую, каленую решимость. Тонкая струна, зазвеневшая ночью после гадания на воске, отозвалась в ее груди уверенным приливом непонятной ей самой силы. Она больше не была испуганной, прячущейся птицей.

Мелисса медленно встала со своего места. Густой бордовый бархат шуршал в наступившей мертвой тишине палаты. Она сделала шаг вперед, протянула свою бледную руку и мягко, но удивительно уверенно надавила пальцами на холодное лезвие меча Давида, заставляя брата опустить оружие. Давид от неожиданности повернул к ней ошалелое, дышащее жаром лицо.

— Полно тебе, брат, — тихо, но так чисто и отчетливо произнесла Мелисса, что ее голос без труда разнесся по са-

мым дальним углам притихшей гридницы. Она повернулась лицом к замершему Борославу. — Князь Борислав желает видеть товар? Что ж. Михайловские князья никогда не прятали того, что принадлежит им по праву крови и чести.

Она заставила себя держать спину идеально прямой, хотя сердце колотилось в самые ребра, а в кармане восковой осколок сосновой ветви внезапно начал стремительно наливаться жаром, покалывая пальцы сквозь ткань бархата.

— Я сниму фату, озерный князь, — Мелисса высоко подняла голову, глядя на Борислава сквозь шелк. — Но помни свои слова. Ты просил зрелища, потому что боишься сказок своего посада. Смотри внимательно. И молись своим богам, чтобы от увиденного у тебя самого не застыла кровь в жилах, ведь согреть ее Михайловским серебром у тебя уже не получится.

Борислав впервые за весь пир слегка растерялся, его сытая усмешка на миг дрогнула под этим ледяным, властным девичьим тоном. Он ожидал слез или робкого молчания, но не этого холода.

Мелисса медленно, царственным жестом подняла руки к серебряной налобной повязке, собираясь сорвать прозрачную вуаль и показать залу свои сияющие серебром волосы и грозовые серые глаза...

В этот миг, когда вся палата затаила дыхание, дубовые двери в дальнем конце зала с треском распахнулись, едва не слетев с петель! Ворвавшийся поток ледяного воздуха пога-

сил половину свечей, погружая гридницу в тени.

— Князь Дамир из Великого Южного удела! — зычно возвестил стольник.

В залу уверенным, размашистым и хищным шагом вошел мужчина, и Мелисса почувствовала, как у нее окончательно перехватило дыхание, а зажатый в руке восковой осколок еловой ветви стал горячим, точно раскаленный уголь.

Γ

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.